
Надежда Ланская
Покорители драконов
18+

Надежда Ланская

Покорители драконов

https://litres.ru/74720849
SelfPub; 2026

Аннотация

Он потерял на Земле всех, кого любил, и ушёл умирать к чужим звёздам. Корабль погиб, а он выжил и упал в мир, где летают на драконах и где чужаку за полёт полагается смерть.

Ему не нужен трон. Ему нужен дом. Но король делает его первым рыцарем, замужняя принцесса отвечает на его взгляд, а за морем уже собираются чёрные драконы.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	38
Глава 4	56
Глава 5	75
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Надежда Ланская
Покорители драконов

Глава 1

Взрыв

Я открыл глаза — и мир исчез. Вокруг была лишь сплошная, густая тьма, будто сама реальность стёрлась. Мой корабль падал в чёрную пустоту, и в заднем иллюминаторе вселенная сворачивалась в гигантский вихрь, пожирающий сам себя. Впереди зияла бездонная чернота.

Двигатель молчал. Звенящая тишина давила на уши, становясь почти осязаемой. В невесомости предметы медленно парили, будто застыв в нерешительности перед неизбежным. Последнее, что я помнил, — чудовищный взрыв, толчок такой силы, что челнок выбросило ударной волной. Меня швырнуло о переборку, сознание погасло, и что было дальше — я не знал.

Чёрная дыра? Значит, конец близок.

Мысль о спагеттификации невольно вызвала жалкую улыбку. Превращаться в бесконечную нить из собственных тканей мне вовсе не хотелось. Но поделать с этим я ничего не мог.

Единственное, что пришло в голову, — погрузиться в ана-

биоз, в искусственную кому: умереть тихо, спокойно, во сне, не чувствуя, как кошмар разворачивается во всей своей чудовищной полноте. К счастью, на челноке была медицинская капсула. Вот только как её запустить — я, хоть убей, не помнил.

Что вызвало этот взрыв? Внешние факторы или что-то внутри корабля? Ответа не было. Судя по силе удара, вряд ли кто из экипажа выжил. Как уцелел я — оставалось загадкой, терзавшей сознание.

И тут я вспомнил, как здесь оказался: перед сном мне вдруг захотелось увидеть лица тех, кого я любил. Но планшет с фотографиями остался в челноке. В тот день мы спускались на планету в системе Глизе 667, чтобы собрать образцы. Я между делом снимал пейзажи, которые запали в душу, — для личного альбома. Планшет так и остался лежать на моём сиденье.

Я вышел из своей каюты и потихоньку пробрался на челнок, прикрыв за собой люк. Почему-то в тот момент мне отчаянно захотелось побыть здесь, в темноте и тишине, наедине с воспоминаниями. Нащупав в темноте свой планшет, я устроился в кресле пилота, включил его и начал листать фотографии. Именно тогда и грянул взрыв. Ударной волной челнок швырнуло в открытый космос, а меня поглотила тьма.

В памяти вспыхнули образы, неужели все они погибли: командир корабля, суровый молчаливый воин. Второй пилот

— одинокий молодой человек. Биолог, она же врач по совместительству, — фанатик космических путешествий. Бортинженер, он же специалист по связи, — потерявший всю семью на пожаре. Анна, наш астрохимик, одержимая мечтой услышать голос иных миров. Я до сих пор вижу эту сцену: она распахивает дверь — вся в возбуждении, с глазами, горящими таким светом, будто в её лаборатории только что зажглась новая звезда. Я стоял с подносом, принёс ей ужин, а она, не дав и слова сказать, захлопнула дверь прямо перед моим носом.

— Не мешай! Я обнаружила такое! Такое! — донёсся её голос, срывающийся от волнения, и в нём было столько восторга, что даже обида не успела родиться. Она кричала, не объясняя, что именно нашла, будто само слово «открытие» уже было слишком громоздким для её переполненных чувств.

Возможно, её эксперименты и стали причиной катастрофы. Или же взорвалась сама планета, на орбите которой мы висели. Других версий у меня не было.

Время на часах шло как обычно — прошло всего несколько секунд. А мне показалось, что минули часы. Я снова взглянул в иллюминатор: вселенная сжалась в одну яркую точку.

Наверное, пора заняться капсулой, пока ещё есть время. Свет в иллюминаторе погас. Горизонт событий был пройден. А я всё ещё жив — но это была лишь отсрочка. Дальше при-

ливные силы начнут расти, разрывая пространство и материю, и в конце концов уничтожат и челнок, и меня.

Напоследок я снова открыл планшет. Хотелось в последний раз увидеть любимые лица перед тем, как мир окончательно исчезнет.

Капсула так и не поддалась. Я бил по панели, дёргал рычаги аварийного пуска — питание умерло вместе с остальными системами. В иллюминаторе не осталось ни звёзд, ни света — только тьма, которая терпеливо ждала.

Последнее, что я успел, — ещё раз увидеть любимые лица. А потом темнота сомкнулась, и сознание соскользнуло туда, где всё было ещё живо, — в ту единственную жизнь, которая у меня была.

Земля

Всё началось с череды роковых событий, которые постепенно вытравили из меня желание оставаться в этом мире. Они и толкнули меня на путь дальних странствий.

Я блестяще окончил геофизический факультет и устроился в крупную компанию, где занимался исследованиями в области возобновляемой энергии. Карьера шла вверх, я отдавал работе всё свободное время и многого добился. Из родных у меня осталась только мама — отец ушёл из жизни давно.

Мама мечтала о внуках.

— Когда же ты наконец займёшься своей личной жизнью? — вздыхала она. — У тебя всё есть: ты обеспечен, на хоро-

шей должности. Пора забыть прошлое и найти себе добрую, милую девушку, которая станет тебе женой, а мне подарит внуков. Я ведь не вечна. А ты совсем один. Так я хотя бы буду спокойна, что ты не один, и смогу уйти, когда придёт моё время.

— Мам, ну что ты! Ты будешь со мной всегда! — я обнимал её, целовал, а по её щекам текли слёзы.

Под «прошлым» она имела в виду девушку, с которой я встречался с первого курса. Я так и не решился предложить ей руку и сердце. Она была из обеспеченной семьи, избалована вниманием и деньгами. Для меня она стала всем, а для неё, видимо, была лишь надёжной опорой — не более. Все каникулы и выходные она проводила в Италии или на горнолыжных курортах. У меня не было средств, чтобы сопровождать её, а ездить за её счёт не позволяли гордость и чувство собственного достоинства.

После университета я ушёл в армию, служил в десантных войсках. Её звонки становились всё реже, а потом и вовсе прекратились. Потом однажды она сообщила, что выходит замуж, — и моё сердце разбилось на осколки. Я замкнулся, перестал отвечать на звонки друзей и знакомых, если это не касалось работы. Единственным человеком, который оставался рядом, была мама.

Мне исполнилось тридцать. Я оставался убеждённым холостяком, но купил нам с мамой просторную квартиру с видом на море — три комнаты, светлая гостиная. Мама взялась

обустраивать квартиру, а я не мешал, предоставив ей полную свободу. В бытовых вопросах я был не силён.

Однажды я, как обычно, задержался на работе и забыл предупредить маму. Когда закончил дела, с удивлением заметил, что она не звонила и не писала, как делала всегда. С тревожным предчувствием я помчался домой. Звонил в дверь — никто не открывал. За дверью не было слышно ни звука. Я открыл своим ключом и увидел её, лежащую на полу.

Скорая констатировала смерть от сердечного приступа. Мама никогда не жаловалась на сердце и избегала врачей, поэтому болезнь осталась незамеченной до самого конца.

Похоронив её, я остался совсем один. Мир потускнел, душу жгло чувство вины: если бы я пришёл вовремя, если бы настоял, чтобы она сходила к врачу, если бы уделял ей больше внимания… Эти «если бы» терзали меня днём и ночью, погружая в беспросветную тоску.

Домой идти не хотелось. Я практически переехал на работу. Коллеги пытались помочь, звали в гости, на праздники, но я отказывался. Так прошло почти три месяца.

Однажды вечером я всё же решил зайти домой — нужно было забрать кое-какие вещи и немного пройтись, чтобы собраться с мыслями. Путь лежал мимо набережной. Море било в парапет, и ветер нёс брызги. Вдруг снизу, у воды, я услышал тонкое скуление. Перегнувшись через перила, вгляделся в темноту и увидел маленького белого щенка, мечущегося

по берегу. Он явно потерялся.

Я торопливо спустился по лестнице, прошёл вдоль берега и нашёл его — мокрого, дрожащего, жалобно скулящего. Щенок радостно завилял коротким хвостиком и бросился ко мне. Я присел на корточки. Он прыгал, пачкая песком мою одежду, облизывал руки.

— Ты потерялся? Какой же ты мокрый! Ну не хнычь. Сейчас пойдём домой и покормим тебя.

Я взял его на руки. Маленький мокрый комок доверчиво прижался, дрожа всем телом. Искать хозяина ночью не имело смысла — я забрал его с собой. По дороге купил молока и собачьего корма. В гардеробе нашёл старую куртку, постелил её на полу рядом с кроватью. Щенок немного попил молока, зарылся носом в рукав и уснул.

Осмотрев его, я решил, что ему месяца два-три. Белый, с рыжими пятнами, короткий хвостик — скорее всего, джек-рассел-терьер. Я пообещал себе, что завтра начну искать хозяина.

Но хозяин не нашёлся. После двух недель поисков я решил оставить щенка себе. Он оказался бесстрашным, понятливым, не пакостным и ходил за мной хвостом. Я назвал его Икаром — за его отвагу и прыгучесть. Он совершенно не боялся высоты. Мне нравилось учить его трюкам и командам: он схватывал всё на лету.

Теперь мне приходилось вставать пораньше, мчаться домой в обеденный перерыв и не задерживаться вечером. Каж-

дое утро мы спускались к морю и бегали по пляжу. Когда-то я серьёзно занимался пятиборьем — фехтованием, плаванием, бегом, стрельбой, верховой ездой. Но последние годы забросил тренировки, набрал вес, расслабился из-за сидячей работы и неправильного питания.

Обратить внимание на себя меня заставила девушка, которая каждое утро бегала по набережной. Она легко обгоняла меня, оставляя далеко позади. Икару она явно нравилась: он бросал меня и весело нёсся за ней. А я пыхтел, задыхался, пытался их догнать.

Через пару месяцев ежедневных пробежек одышка пропала, вес начал уходить, а жизнь понемногу налаживалась. Мы подружились с Кристиной — так её звали. Блондинка двадцати семи лет, стройная, с тонкими чертами лица, она работала дизайнером в архитектурном бюро. Из родных у неё была только тётушка, с которой она жила в небольшой квартирке.

Наши утренние пробежки переросли в дружбу, а потом мы стали неразлучны. Но дальше дружбы дело не шло. Я всё чаще думал об этом, но мой нерешительный характер сковывал слова.

А потом случилось то, чего я не мог предусмотреть.

Икару уже было больше года. Он обожал гоняться за птицами на набережной, подпрыгивал, лаял, но никогда не причинял им вреда. В тот злосчастный день ремонтники открыли колодец и огородили его лентами, а сами отошли в тень,

что-то обсуждая. Икар заметил стаю голубей, мирно клевавших крошки на асфальте, и кинулся в атаку. Стая взлетела, пёс подпрыгнул — и рухнул в открытый колодец.

Я услышал только короткий, предсмертный визг. Бросился к колодцу, надеясь, что всё обойдётся. Ремонтники опередили меня. Один из них быстро спустился по узкой металлической лестнице, вытащил Икара и, потупив глаза, тихо сказал: «Там очень глубоко, внизу один бетон. Ничего нельзя было сделать».

Он отдал мне безжизненное тело моего пса. Приложил ухо к груди — сердце не билось.

Я похоронил Икара в небольшом лесочке под развесистым деревом на берегу моря за городом. Кристина была рядом, плакала, не могла остановиться. А я словно окаменел — не мог выразить ни боли, ни горя. Только чувство вины жгло изнутри: почему не держал на поводке, почему позволял бегать без присмотра?

Видимо, моя скованность и пустота в глазах заставили Кристину остаться у меня на ночь. Она гладила мои волосы, прижимала к себе, как маленького ребёнка. Я уткнулся ей в плечо — и вдруг слёзы хлынули из глаз: от беспомощности, злости на себя, от невыносимой тяжести потери. Перед глазами встала мама — она утешала меня так же, когда я был ребёнком.

Кристина ничего не говорила, просто держала меня. Так я и уснул в её объятиях.

Проснулся далеко за полночь. Пошевелился и увидел её лицо — участливое, родное, единственное. В порыве чувств я прошептал ей всё, что накопилось в душе, и мы предались любви. Уснуть удалось только под утро.

Когда я проснулся, в квартире было тихо. Лежанка Икара исчезла. Видимо, Кристина убрала её, чтобы не бередить рану. В прихожей щёлкнула дверь — вошла Кристина с пакетом снеди и фруктов.

— Давай позавтракаем. Пробежку сегодня можно отменить. На работу тебе не надо, давай займёмся чем-нибудь: прогуляемся по городу, сходим в кино, поднимемся в горы, устроим пикник… Или просто пойдём на море?

Она так хотела отвлечь меня от грустных мыслей. Но выйти на набережную без Икара было выше моих сил.

Я посмотрел на неё с нежностью, и жгучее желание вспыхнуло внутри.

— А может, просто поваляемся на диване? Или на кровати?

В её глазах мелькнула озорная искра.

— Давай сначала позавтракаем, а потом уж всё остальное.

Дни шли, мы становились всё ближе. И наконец я решился. В «Картье» я купил кольцо, предварительно измерив ночью, пока Кристина спала, её палец ниткой — на большее сообразительности не хватило. В тот же вечер я позвал её в ресторан.

— Что за повод? — с интересом спросила она. — Вроде

все дни рождения и праздники прошли?

— Есть повод, — лукаво улыбнулся я.

— У меня тоже есть повод, — парировала она.

— Ну вот и славно! Значит, произведём обмен, — рассмеялся я.

Вечер выдался тёплым. Мы сели за столик на веранде с видом на море — я заранее забронировал его. В ведёрке охлаждалось её любимое «Просекко». В бокале поднимались пузырьки, переливаясь всеми цветами радуги.

Подошёл официант, поставил салаты и закуски, и за столом все замолчали.

— Кристина, — начал я, — мы вместе уже полгода. Пришла пора узаконить наши отношения.

Я встал, опустился на одно колено, протянул маленькую коробочку.

— Выходи за меня. Я не умею говорить красиво, но я люблю тебя и хочу быть с тобой всегда.

Вокруг нас все замолчали. Посетители смотрели на Кристину. Наступила томительная пауза. Я всё ещё стоял на колене, протягивая коробочку.

Она подняла на меня счастливые глаза и одними губами прошептала: «Я согласна».

По веранде прокатился облегчённый вздох, а затем раздались несмелые аплодисменты, быстро переросшие в бурные овации и поздравления.

Я смущённо поднялся, оглянулся и поблагодарил всех

присутствующих. Кристина открыла коробочку, надела кольцо и высоко подняла руку, показывая его всем. Снова зазвучали аплодисменты.

— Не слишком публично? — тихо прошептала она.

— В самый раз! — рассмеялся я. — Теперь жду твоё признание в ответ.

Она смутилась, замолчала на мгновение, а потом очень тихо сказала:

— Я была у врача. Он сказал, что у меня будет ребёнок.

На секунду я потерял дар речи. Это было естественно, но так неожиданно. Я подхватил её на руки и прижался к её губам.

— Это будет наша тайна, никому не говори. Я люблю тебя и уже люблю нашего малыша!

Вечер удался. Счастливые и довольные, мы вернулись домой. На следующий день подали заявление на регистрацию брака. Дату назначили через месяц, на конец лета. Месяца хватало, чтобы всё подготовить.

Друзей у нас было немного, родственников и того меньше. Решили устроить торжество в узком кругу, а после уехать в круиз по Атлантике — в медовый месяц.

Подвенечное платье

Беременность Кристины протекала спокойно, без осложнений. Срок был небольшой, и она могла выбрать платье по фигуре — это её невероятно радовало. Дни напролёт она проводила с подругами: искала идеальное платье, подбирала

букет, выбирала место для торжества, придумывала приглашения… Список был бесконечным.

Я не вмешивался, лишь кивал в ответ на её идеи. Так, в радостных хлопотах, дни пролетали незаметно. До свадьбы оставалось три дня.

Пару недель назад Кристина заказала подвенечное платье у портнихи в маленьком городке неподалёку. Портниха славилась своими работами, но была на последних месяцах беременности и почти не брала заказы. Кристине всё же удалось её уговорить. Правда, примерку приходилось делать у неё дома.

В тот день они с подругой собрались забрать заказ. Я хотел поехать с ними после работы, но Кристина умоляла меня не делать этого:

— Это плохая примета — увидеть платье до свадьбы!

— Я не буду на него смотреть. Просто закрою его чехлом.

— Пожалуйста, не езди. Вдруг одно твоё присутствие активирует плохую примету? Не спорь со мной. Я аккуратно съезжу сама. Да и нам с подругой надо поболтать — ты будешь мешать.

Девушки рассмеялись, сели в кабриолет и уехали. Я стоял и смотрел им вслед, и вдруг мне стало не по себе. Торопливо набрал номер Кристины.

— Алло, милый! Ты уже соскучился?

— Будь осторожна, не гони. И обязательно отзвонись, когда будете выезжать оттуда. Я уже жалею, что послушал тебя

и не поехал с вами. Может, ещё не поздно, вернись за мной?

— Милый, возвращаться — тоже плохая примета. Ничего не случится. Мы ездили туда уже три раза за последние две недели. Что за мрачные мысли? Всё будет хорошо! Скоро я растолстею и не влезу за руль, тогда ты станешь моим личным шофёром!

Она положила трубку. У меня немного отлегло от сердца. Я поднялся в кабинет и продолжил работать. Начальница, пышная брюнетка бальзаковского возраста, нагрузила меня по полной:

— Скоро ты отчалишь, милый друг, и я закопаюсь в делах. Так что будь добр, поработай ещё пару дней за себя и за меня.

Что я мог на это ответить?

Наконец рабочий день закончился. По дороге домой мне нужно было зайти в супермаркет — Кристина просила кое-что купить к ужину. В магазине было шумно, и я не услышал её звонок.

Придя домой с пакетами, я увидел пропущенный вызов и решил перезвонить. Трубку взял незнакомый мужчина. Это был полицейский.

Он сообщил, что произошла авария: одна девушка погибла на месте, вторую увезли на скорой в городскую больницу.

Я оцепенел. На секунду показалось, что это чья-то нелепая шутка.

— Вы слышите меня? — голос полицейского стал громче.

— Девушку водителя увезли в больницу. Езжайте туда.

— Как это произошло? — я не узнал собственный голос.

— Лобовое столкновение. Какой-то лихач вылетел им навстречу. Машина перевернулась, пассажирка погибла на месте.

По дороге в больницу я молил всех богов, чтобы Кристина осталась жива. Не помня себя, влетел в вестибюль.

— Вам только что привезли девушку с ДТП, Кристину Гордон! Что с ней, где она?!

Регистратор посмотрела на экран компьютера.

— Нет, такой девушки нам не привозили. Вот только эту, — она указала на удаляющуюся по коридору каталку.

Я бросился догонять. Догнал уже у дверей лифта.

— — Кристина! Доктор, с ней всё хорошо?! — я кричал, словно одержимый, и мой голос эхом раскатывался по вестибюлю, разбиваясь о холодные стены. Люди оборачивались, кто-то шептал, кто-то отводил глаза, но мне было всё равно.

По дороге меня резко остановил за руку врач — высокий, с усталыми, но твёрдыми глазами.

— Успокойтесь. С ней всё будет хорошо. Я только что её осмотрел. Сейчас главное — не мешать нам работать.

Его слова должны были принести облегчение, но вместо этого насторожили: он сказал «с ней», а не «с Кристиной». Будто между этими словами уже пролегла пропасть.

Каталку закрывала широкая спина санитара, и я не видел Кристину. Я задыхался. Я подскочил вплотную, почти

прижался к каталке, будто мог силой воли прорвать эту живую преграду. Двери лифта открылись с тихим, почти издевательским шипением, и в проёме мелькнуло лицо — но не её. На каталке лежала подруга Кристины, бледная, с закрытыми глазами, опутанная проводами и трубками.

Мир на секунду остановился, а потом рухнул.

Я отшатнулся, будто меня ударили. Паника прошла, оставив пустоту.

— Где Кристина? — прошептал я, хотя уже знал ответ. Голос звучал глухо, будто доносился откуда-то издалека.

Врач посмотрел на меня с той особой смесью сочувствия и профессиональной отстранённости, которая бывает у тех, кто слишком часто приносит плохие вести.

В день, который должен был стать нашей свадьбой, мы похоронили Кристину в подвенечном платье: оно казалось теперь не символом счастья, а саваном, сотканным из несбывшихся надежд.

Я хотел положить её рядом с мамой — там, где среди белых камней и тихого шелеста листвы ей было бы спокойно, где я мог бы приходить и говорить с ними обеими. Но тётушка Кристины настояла на фамильном склепе их семьи. Я не спорил. У меня не осталось сил ни на споры, ни на чувства.

На похоронах я стоял, будто за стеклом: звуки доходили приглушённо, лица расплывались, слова соболезнований скользили мимо, не задевая. Я кивал, произносил что-то вежливое, автоматически благодарил — и не видел никого

вокруг. Мир сжался до узкой полоски асфальта, до края могилы, до белого платья, которое теперь выглядело не праздничным, а бесконечно одиноким.

Когда всё закончилось, я пошёл прочь, не оглядываясь. Ветер трепал волосы. Где-то вдалеке смеялись дети, где-то кто-то говорил о пустяках, но для меня этот шум был чужим, из другой жизни — из той, где Кристина ещё бежала по набережной, обгоняя меня, а Икар радостно прыгал ей вслед.

В тот вечер я впервые понял, что боль не всегда кричит. Иногда она просто выстуживает всё внутри, оставляя после себя пустоту, в которой даже воспоминания становятся тяжёлыми, как камни.

Похмельное утро.

Телефон звонил у самого уха. Я не мог разлепить глаза, поэтому нашел его рядом на ощупь.

— Александр, ты меня слышишь? — голос начальницы звучал неестественно бодро. — Ты должен срочно приехать на работу. Ты в состоянии? Ну, если не сегодня, то край — завтра. Это очень важно! И в первую очередь для тебя. Тем более что твой отпуск закончился ещё неделю назад.

Я молча отключил звонок.

В голове стучало, мутило, перед глазами стояла серая пелена. Сколько дней продолжался этот запой, я понял только сейчас — из слов начальницы. Больше трёх недель.

Доковыляв до ванной, я несколько раз запнулся о пустые бутылки. В квартире царил хаос: упаковки от пиццы, стек-

лянные бутылки из-под виски, пластиковые из-под колы, пакеты, коробочки — всё валялось на полу. Я машинально огляделся в поисках чего-нибудь выпить, но бутылки были все пустые.

«Что она от меня хочет? Зачем зовёт? Уволила бы — и всё. Всем было бы проще».

В аптечке нашёлся аспирин. Я проглотил две таблетки, не запивая. В комнате было темно и душно. «Надо проветрить помещение… и мозги», — подумал я и шагнул к балконной двери.

За окном было ярко. Из открытых дверей пахнуло свежим морским бризом. На набережной уже шла обычная утренняя жизнь. Всё так же ярко светило солнце, с криками носились чайки. Мир не изменился. Изменился только я.

Долго стоял под холодным душем. В зеркале отражался осунувшийся незнакомец: щетина, запавшие глаза, будто из него выкачали все силы. Я побрился, почистил зубы. Потом сварил крепкий кофе и нашёл в холодильнике засохший круассан. Сознание медленно прояснялось, мысли становились чётче.

Набрал номер начальницы:

— Здравствуйте. Вы звонили мне.

— Да, Александр. Кое-кто хотел бы с тобой встретиться. Думаю, это тебе крайне необходимо. Почему-то мне так показалось. Скажи, когда ты приедешь, — я организую встречу.

— Вы настаиваете? — я попытался мягко отмахнуться.

— Настаиваю. Это очень важно и крайне необходимо.

— Хорошо. Завтра я буду на работе. Сегодня не смогу, простите.

— Хорошо, Александр. Завтра буду ждать тебя на рабочем месте. Не опаздывай и не подведи меня. Я за тебя поручилась, договорились?

Я отключил трубку, лёг и уснул, едва коснувшись подушки.

На следующее утро чувствовал себя гораздо бодрее: голова не кружилась, не тошнило. По дороге зашёл в кафе и наскоро перекусил.

На работе меня встретило именно то, чего я так боялся: сочувственные взгляды коллег. Сел за стол и рассеянно смотрел в тёмный экран монитора. «Надо написать заявление на увольнение», — мелькнула мысль.

— Доброе утро, — раздался голос начальницы. Я лишь кивнул. — Ты на месте? К тебе гости.

Она деликатно закрыла за ними дверь, оставив нас наедине.

В моём кабинете стояли двое. Высокий протянул руку:

— Александр, здравствуйте!

Второй, пониже ростом, но очень спортивного телосложения, молча кивнул в знак приветствия.

— Здравствуйте. Чем могу помочь? — я посмотрел им прямо в лицо.

— Вас порекомендовала ваша шеф как крутого специалиста и знатока своего дела. Мы ищем сотрудника вашей профессии. Ваш шеф думает, что именно вы нам идеально подходите. Речь идёт об очень длительной экспедиции. Очень-очень далеко.

Наступила пауза. Я испытующе смотрел на них, ожидая продолжения. Они так же молча рассматривали меня.

Наконец тот, что пониже, прервал молчание:

— Мы проверили ваше досье. Вы спортсмен, прошли военную подготовку. Нам вы идеально подходите. Не хотите узнать детали?

— Эта экспедиция связана с риском?

— Несомненно. Это экспедиция к системе Глизе 667.

— В космос?

— Да. Конечно, не сразу. Минимум полгода подготовки, возможно, чуть больше.

— В чём будет заключаться моя работа?

— В поисках и анализе новых видов топлива, радиоактивных металлов. Команда из шести человек. Путь до Глизе 667 займёт около четырёх лет. Возможно, это будет билет в один конец. Подумайте. Даю вам неделю на размышление.

Высокий поднялся, давая понять, что разговор окончен, и протянул мне руку.

— Нет. Мне не нужна неделя. Это слишком долго! — хотел добавить: «И невыносимо оставаться здесь», но сдержался. — Я дам ответ завтра утром.

— Ну что ж, по рукам. Завтра утром я позвоню вам. А лучше вот, возьмите мою визитку — наберите сами, как будет готов ответ.

Я кивнул. Мужчины попрощались и вышли.

Звёздная экспедиция… Космос всегда манил меня своей неизведанностью и тайной. «Возможно, это будет билет в один конец. Это именно то, что мне необходимо!»

Мне не нужно было ждать до завтра — решение уже было готово: тихое, холодное, но окончательное. Я достал визитку и набрал номер:

— Это Александр. Я принимаю ваше предложение.

Я полечу в межзвёздную экспедицию. Улечу туда, где миллиарды холодных звёзд молча взирают на тебя, где горизонт событий стирает прошлое, где чёрные дыры пожирают свет, а тишина становится абсолютной. Может быть, среди звёзд я наконец перестану слышать её голос. Или, наоборот, научусь жить с ним.

Глава 2

Миллиарды звёзд

Темнота. Не просто отсутствие света: она давит со всех сторон.

Мой корабль падал — нет, не падал, а нёсся. Не по прямой, а как будто по трубе, которую крутило и ломало. В заднем иллюминаторе Вселенная сворачивалась в воронку, а потом вдруг рассыпалась на полосы света, будто кто-то рвёт небо на ленты. Впереди мрак сгущался и расходился волнами.

— Чёрная дыра? — проносилось в голове, но что-то внутри противится этой мысли. Слишком странно вело себя пространство. Пока челнок тащило сквозь эту неведомую пустоту, я начинал понимать: это не чёрная дыра. Это что-то совсем другое. Кротовая нора. Туннель. И я в нём. Но куда он ведёт? И выберусь ли я?

Двигатель молчал. Не просто не работал — будто его и не было. Я не чувствовал ни тяги, ни вибрации, ни привычного гула системы. Только этот тягучий, тревожный покой, который пугал больше любого рева турбин.

Челнок не летел — его несло. Как будто само пространство стало рекой, и я был её течением.

Я вцепился в подлокотники кресла, хотя в невесомости это ничего не меняло. Просто рукам нужно было за что-то

держаться, чтобы не поверить окончательно, что меня больше ничего не держит.

За иллюминатором тьма пошла рябью. Сначала это были просто полосы света, тонкие, как царапины на стекле. Потом они начали сплетаться в узоры, которые не складывались ни в какие созвездия. Звёзд там не было. Было что-то другое.

А потом пространство перед носом челнока распахнулось.

Не взрыв, не вспышка — а именно раскрытие. Как будто кто-то потянул за край невидимой ткани, и она разошлась, обнажая то, что пряталось за ней.

Там, впереди, разворачивалась другая вселенная. Или другое измерение — я не знал, как это назвать. Передо мной светились миллиарды незнакомых созвездий. Я не узнавал ни одного.

Я решал, заводить двигатель или дрейфовать.

Я включил панель приборов. Заряд аккумуляторов челнока был полный. На пару-тройку дней хватит. Подзарядку дадут солнечные батареи. Но всё равно для дальнего путешествия не подойдёт. У меня нет запасов еды и воды. Навигация здесь не работала. На ум опять пришла медицинская капсула. Но я отбросил эту мысль: буду искать и не сдаваться, пока хватит ресурсов.

Вопрос только: что искать? И где?

Сначала я заметил большую звезду: она висела, как раскалённый шар, заливая половину неба янтарным светом. Вокруг неё кружились планеты, и их орбиты сплетались в слож-

ный узор.

Потом я заметил странное сбоку. Там, почти вплотную к этой золотой стене, висела другая картина: холодное, голубое солнце и планеты вокруг него.

Две системы. Так близко, что казалось, будто они вот-вот столкнутся. Но не сталкивались. Держались на какой-то тонкой грани.

Я смотрел на это, и в голове медленно складывалась простая мысль: если я хочу остаться целым, мне нельзя туда, где жарко и ярко. Мне нужно туда, где голубое солнце. Сканер показал, что одна из планет, возможно, имеет экосистему, схожую с земной. Это стоило проверить глазами.

Я потянулся к панели.

— Курс на меньшую систему, — сказал я, хотя никто меня не слышал, и завёл двигатель.

Новый мир

Моих пилотских навыков, полученных в центре подготовки за длинный, монотонный год, вполне хватило, чтобы довести челнок до орбиты. Сверху планета выглядела как голубой шар — чуть меньше Земли. Её поверхность пряталась за плотной атмосферой, и мне оставалось только довериться приборам.

Сканер показал огромный, бескрайний океан и два материка в разных полушариях, разделённых большим расстоянием. Один — огромный, весь испещрённый горными грядами, тёмный и безжизненный, с огромной пустыней на юге.

Второй — поменьше, размером с Австралию, сплошь покрытый лесами, озёрами и извилистыми лентами рек.

Я сидел перед панелью, где на трёх экранах одновременно крутились карта, тепловой профиль и прогноз ветра. Корабль делал витки, и данные складывались в картину: не просто «планета», а живой механизм, где всё связано — ветер тянет облака, облака гасят жару днём и держат тепло ночью, горы ломают потоки, а два солнца задают ритм, который здесь заменяет времена года.

Голос ИИ звучал буднично:— Подтверждаю: постоянных полярных ледяных щитов нет. Сезонные снежные покровы возможны только в высокогорье. Среднегодовая температура поверхности — около 35 °C, сезонные колебания — в пределах 5–10 °C. Это не зима и лето в земном смысле, а «жарче» и «чуть менее жарко».— Стабилизация орбиты завершена. Первичный скан активен. Радиус планеты — 0,85 земного, гравитация — 0,7 g. Атмосфера плотная, состав близок к земному. Инсоляция повышенная: суммарный поток — 1,25 солнечной постоянной.

Я не отрывал взгляда от визора, где поверх пейзажа ложились метки: «Термический пик: экватор, +38 °C», «Облачный фронт: прибрежная зона, высота 3,2 км», «Высокогорные ледники: пики >4,5 км».

Корабль сделал плавный виток, и картина изменилась: теперь оба солнца оказались по одну сторону, и равнина внизу вспыхнула двойным светом. Тени стали длинными и раздво-

енными — каждая вещь отбрасывала две.

ИИ спокойно добавил:— Суточный цикл — 23,5 часа. Двойная освещённость создаёт выраженные «двойные дни» и сглаженные ночи. Риск теплового стресса повышен. Рекомендация: высадка в утренние часы, умеренные широты.

На третьем экране крутилась анимация циркуляции атмосферы: мощные муссонные потоки, устойчивые пассаты, зоны турбулентности над пустынями. Я смотрел на эти линии и видел не графики, а маршруты: где можно сесть, где лучше не задерживаться, где ветер будет толкать корабль, а где — бить в борт, как кулак.

Корабль снова вышел на дневную сторону, и оба солнца ударили в иллюминатор сразу, так ярко, что на секунду в кабине стало светлее, чем днём на Земле.

Я решил спуститься ниже и облететь оба материка, чтобы оценить их визуально. Попутно активировал датчики экосистемы.

Первым в прицеле оказался гигантский материк. Высокие чёрные цепи тянулись одна за другой, над ними поднимались шапки вулканов. Между ними бежали узкие речушки, кое-где зеленела редкая растительность. Многие склоны были залиты застывшей лавой и припорошены пеплом. Сейсмическая активность здесь была высокой: один из вулканов как раз испускал густые чёрные клубы дыма. На юге чернела огромная пустыня.

Я приблизил картинку, выискивая площадку для посадки

— подальше от вулканов, поближе к растительности. Наконец взгляд зацепился за большое ровное плато.

— Вот сюда, — сказал я скорее себе, чем приборам. — Попробуем здесь.

Вдруг небо надо мной потемнело. И тут панель сканеров взвыла. Не просто писк, а тревожный, режущий ухо вой — такой бывает только при обнаружении объекта критической массы. Я дёрнулся к экрану. На радаре вспыхнула огромная отметка: она двигалась по нисходящей дуге и перекрывала почти весь сектор обзора. Сканеры не могли определить тип объекта — только его чудовищный размер.

Тень накрыла челнок. В кабине стало темно, хотя снаружи всё ещё был день.

Я поднял взгляд к верхнему иллюминатору и увидел чёрное чешуйчатое брюхо зверя, закрывшее всё небо. Когтистые лапы, огромные крылья… Он пикировал прямо на меня. По размеру он был раз в десять больше моего челнока. Меня спасла его медлительность. Я схватил штурвал и швырнул челнок вниз, к морской синеве.

Челнок врезался в воду. Удар был страшный, но мой малыш устоял. Под водой стало тихо. Не спокойно, а именно тихо. Свет сверху пробивался сквозь толщу воды, рисуя на стенах кабины дрожащие узоры.

«Может, пронесло? — мелькнула мысль. — Надеюсь, он не умеет плавать».

Что это было? Летучий динозавр? Или, проще говоря,

дракон? Я попал в сказку или в мир юрского периода? Час от часу не легче.

Я продолжал двигаться под водой, опасаясь повторного нападения. Я сбавил скорость и осмотрелся. Огромные стаи ярких существ, похожих на рыб, расплывались в разные стороны от моего челнока. Первозданный, непуганый мир. Челнок расталкивал корпусом огромных искрящихся медуз с длинными щупальцами. Вода насыщенного сине-зелёного цвета просвечивала на много метров.

Я посмотрел на приборы: подо мной была бездна — более тридцати километров. Так я двигался около двух часов, разглядывая дно, пока радар не показал впереди почти отвесную стену.

— Надо взлетать и осмотреться, — пробормотал я.

Вдруг сканер опять пронзительно завыл. А потом что-то огромное пронеслось мимо, взбаламутив воду так, что челнок закрутило. Я увидел широкое, бочкообразное тело с ластами и коротким хвостом. На конце хвоста располагался небольшой ромбовидный плавник. Кожа была гладкой, без видимой чешуи, со складками и морщинами, а шея очень длинной. Животное напоминало плезиозавра длиной метров двадцать. Он развернулся, набирая скорость для нового захода, и я увидел острые зубы и холодные глаза.

— Вверх! — прохрипел я, врубая всё, что ещё могло дать тягу. — Вверх, сейчас же!

Челнок рванулся вверх, пробивая толщу воды. Мы выле-

тели из воды и снова оказались в воздухе.

Позади меня тянулся бескрайний океан — от горизонта до горизонта, тёмносиний, почти чёрный, с длинными, тяжёлыми волнами. Впереди был такой же океан, но совсем другого цвета — яркобирюзового. Граница между ними проступала на экране резкой линией. Слева — тёмносиняя гладь: большая глубина, чистая вода, почти без взвеси. Справа — яркая бирюза, как на старых снимках тропических лагун.

Я тут же понял: здесь — пропасть, провал, а там — мелководье. Песок, коралловые отмели, вода отражает свет. Сканер подтвердил: глубина всего пятьсемь метров, прозрачность высокая. Можно не опасаться морских чудовищ. Надеюсь, и летучих тоже.

Впереди показалась тонкая полоса суши.

— Вот она, — выдохнул я. — Там можно сесть.

Я долетел до второго материка. И впервые за всё это время я выдохнул: внизу была земля.

Первая посадка

Суша впереди не выглядела как спасение. Это была стена — высоченная, отвесная. Серая, слоистая, будто кто-то нарочно составил её из гигантских плит, косо лежащих одна на другой. Из трещин торчали пучки жёсткой травы, цеплявшейся за камень так, будто знала: если отпустит — её сорвёт первым же порывом.

А наверху шумел лес: высоченные кроны подступали к самому обрыву. Там, где земля обрывалась в пропасть, корни

этих великанов выползали наружу, толстые и узловатые. Они цеплялись за край скалы, удерживая лес над бездной.

А внизу, зажатая между океаном и этой неприступной грудью скалы, теснилась узкая полоса прибрежного песка.

Я провёл челнок по дуге, ещё раз оглядывая окрестности. Лес внизу был густым и непролазным, будто планета спрятала под ним всё, чего не хотела показывать. Стволы-исполины уходили в небо, кроны цеплялись друг за друга, а между ними не было ни поляны, ни ровной прогалины. Приземлиться там? Нет, спасибо. Слишком много теней, слишком много мест, откуда может выскочить кто-то, кому не понравятся гости.

А вот этот обрыв… он нравился мне всё больше. Огромный выступ, будто кто-то отколол кусок скалы и оставил аккуратную полку. Площадка ровная, высоко над прибоем — волны били внизу, взбивая пену, но сюда не доставали. И главное — в стороне от леса. Не вплотную к этому лесу, не под его тяжёлыми корнями, а отдельно, как будто сама природа сказала: «Тут можно».

В толще скалы чернел проём — прямоугольный, слишком ровный для обычной пещеры. Зияющая чернота, в которую спокойно влез бы мой челнок. Идеальное место. Почти.

— Идеальное, — пробормотал я, замедляя ход и зависая над площадкой. — Но сначала проверка. Никаких «почти» в деле посадки.

Я щёлкнул тумблером внешнего сканера, и на панели по-

бежали строчки. Но прежде чем уткнуться в цифры, я выдохнул и заставил себя не торопиться. Здесь, на границе камня, воды и леса, спешка могла стоить слишком дорого.

— Ну-ка, — тихо сказал я, скорее себе, чем машине. — Что у нас за бортом? Температура, кислород, радиация… давай всё по порядку.

Система отозвалась привычным коротким писком, будто тоже была рада, что мы не полезли в чащу. На экране всплыли данные:

Температура: 39,7 °C — жарко, но терпимо, если не задерживаться снаружи.

Влажность: 68 % — воздух тяжёлый, липкий, как тёплая мокрая ткань.

Кислород: 21,3 % — норма, можно дышать без фильтров.

Давление: 1,03 атм — почти как дома.

Токсичность: не обнаружена.

Движение крупных объектов в зоне посадки: нет.

Радиационный фон: в пределах нормы. Естественный уровень. Источников ионизирующего излучения не обнаружено.

Я чуть наклонил челнок, чтобы прожектор скользнул по чёрному проёму. Луч упёрся в какой-то предмет в темноте и будто утонул в нём: не отразился, не высветил стены, а просто исчез. Это мне не понравилось. Совсем.

— Ладно, — снова пробормотал я. — Посмотрим, что это за штука.

Сканер продолжал щёлкать данными, а я смотрел вниз, на площадку. Она казалась спокойной. Ни следов когтей, ни воронок от взрывов, ни странных куч. Просто камень, нагретый солнцем, и тень от выступа.

Лес наверху шумел, перекатывая звук между стволами. Птицы кричали, но в их голосах не было угрозы, только обычный шум чужого мира — громкий, хаотичный, без личной злости. А внизу, у подножия скалы, волны били в камень: раз-два, раз-два.

— Ещё немного, — прошептал я, выравнивая челнок над площадкой. — Сначала досмотрим сканирование. Потом решим.

На панели мигнул индикатор: «Сканирование пещеры: завершено. Угрозы не обнаружено».

Пора садиться.

Посадка прошла почти гладко. Я прижал челнок поближе к скале. Загнать его в пещеру, как в гараж? Нет. Это может оказаться ловушкой.

Голод напомнил о себе. На челноке был небольшой запас еды и воды — на всякий случай. Я накинулся на еду и прикончил порцию в два присеста. Этого показалось мало, и я достал ещё. Потом сварил чашку кофе.

Итак, что же мне делать дальше? Я снова и снова возвращался к мысли, что попал в юрский период. Значит, рано или поздно меня сожрут, и впереди — одиночество и жизнь в страхе. И тут меня будто толкнуло изнутри: бортовой жур-

нал.

Я чуть не выругался — тихо, сквозь зубы, без злости, просто от досады на собственную забывчивость. Я не зафиксировал ничего из того, что со мной произошло. Не попытался связаться ни с кораблём, ни с Землёй, хотя и понимал втайне, что это невозможно. Но вести журнал я был обязан.

Дальняя космическая связь, конечно, не работала. В эфире была тишина, ровная и пустая, без шороха помех. На спектрограмме — чёрная полоса и надпись: «Нет соединения. Канал недоступен».

Сухо и кратко я записал все свои злоключения, стараясь привязать события к минутам и часам. Хотя сколько прошло времени — двенадцать или двадцать четыре часа — я не мог сказать навскидку. Часы показывали 14:00. И только сейчас я понял, как невероятно устал. Но на этой планете не было ночи — это я уже понял. Только подобие сумерек, когда одно светило уходит, появляется другое.

Я допил кофе и поставил пустую чашку на край панели. Она чуть звякнула, и этот обычный, домашний звук вдруг странно успокоил. В кабине челнока пахло разогретым металлом, пылью и немного кофейной горечью. Здесь всё было знакомо, всё на своих местах. И от этого казалось, что мир ещё не совсем сошёл с ума.

Планшет отвлёк меня от дальнейших умозаключений. Лица любимых напомнили, что я оставил позади. Я разложил кресло в кровать и уснул.

Наступил мой первый день в этом мире.

Значит, вперёд.

На всякий случай я надел лёгкий скафандр и шлем, достал из сейфа лазерное оружие, собрал в рюкзак запас кислорода, воды, еды, зажигалку и аккумулятор. На пояс нацепил клинок, фонарь и ручной сканер. Покрутил в руках рацию: «Зачем она мне?» — пронеслось в голове. Потом достал самонаводящуюся гарпун-лебёдку с подъёмником. Включил аэробот — разведывательный дрон. Он ещё мог работать и как переводчик. Ну, мало ли? Вдруг пригодится. Сунул в ухо наушник для связи с дроном. Напоследок активировал на челноке сигнал SOS.

«Где наша не пропадала!» — мысленно усмехнулся я и открыл дверь в этот незнакомый мир.

Глава 3

Первый контакт

Люк пошёл вверх. Я сделал шаг наружу и остановился. Мне захотелось снять шлем, но я заставил себя не спешить. Датчик на руке показывал то же, что приборы челнока, и я рискнул. Щёлкнул фиксатором и поднял стекло. Меня накрыло жаром — густым, смолистым, с привкусом соли и чего-то дикого, незнакомого.

Я вдохнул полной грудью, привыкая, и шагнул на камень. Воздух был чуть тяжелее земного, чуть суше, но без той колючей сухости, которая дерёт горло. В нём чувствовались минеральные нотки, будто ветер только что прошёл по горячим камням.

Площадка оказалась твёрдой и тёплой, как нагретая плита. Под ногой хрустнул мелкий камешек. Я пнул его, и он покатился к краю, а потом сорвался вниз, звеня по уступам. Я проследил взглядом, как он прыгает по выступам, пока не исчез в белой пене у подножия.

В скале чернел вход в пещеру. Теперь, с площадки, пещера казалась не такой огромной — просто тёмный проём. Внутри было прохладно и сухо. «Хорошее жилище, — отметил я про себя. — Может, ещё пригодится».

Недалеко от входа лежало огромное яйцо, явно не природного происхождения. Сканер не подтвердил наличие жизни,

а пыль на нём и вокруг доказывала, что оно лежит здесь не один десяток лет и давно окаменело.

Больше в пещере ничего интересного не нашлось. Лезть по узким расщелинам вглубь скалы я посчитал ненужным. Меня больше интересовал лес.

Я проверил гарпунлебёдку привычным движением: провёл пальцем по сенсорной панели на рукояти, убедился, что индикатор заряда горит ровным зелёным светом, а система самонаведения уже сканирует поверхность скалы. Устройство было не просто тросом и крюком — это был компактный штурмовой модуль: гарпун с микросервоприводами, лебёдка с регулируемой тягой и встроенный подъёмник, который мог тянуть ровно или рывками, подстраиваясь под вес и рельеф.

— Ну, давай, — тихо прошептал я, будто подбадривая не механизм, а самого себя. — Без фокусов.

Выбрав точку повыше — узкую трещину между слоями тёмного камня, где порода выглядела монолитной, — я прицелился не глазами, а доверился системе. На внутренней стороне забрала шлема высветилась полупрозрачная сетка, и маленький крестик сам скользнул к самой надёжной точке сцепления. Я нажал спусковую клавишу.

Гарпун ушёл вперёд с резким, сухим хлопком — не как выстрел, а как уверенный удар. Зубцы раскрылись в полёте, и в момент касания сервоприводы довернули их под идеальным углом к породе. Ещё секунда — и система подала ко-

роткий вибросигнал: сцепление зафиксировано, нагрузка в норме.

Теперь — лебёдка. Я пристегнул карабин страховочной петли к кольцу на поясе, проверил, чтобы трос лёг без перекрутов, и перевёл модуль в режим подъёмника. На экране рукояти мелькнули цифры: «Тяга — 87 %, компенсация рывка активна».

— Поехали, — выдохнул я, оттолкнулся от уступа; снаряжение и оружие тянули вниз.

Трос натянулся не рывком, а ровно — будто кто-то очень сильный и очень аккуратный взял меня за плечи и потянул вверх. Подъёмник работал плавно, но ощутимо: чувствовалось, как механизм берёт на себя большую часть веса, оставляя мне силы держаться и смотреть по сторонам. Я скользил вдоль стены, не цепляясь руками за каждый выступ, а выбирая точки, куда поставить ногу, пока лебёдка делала главное.

На середине подъёма я на секунду замер, чтобы осмотреться. Отсюда площадка казалась крошечной, челнок — игрушечным, а лес внизу — сплошной тёмной массой, в которой прятались чужие звуки. Скала рядом была совсем близко: я чувствовал, как от камня тянет теплом, будто порода хранила дневной жар и теперь отдавала его в прохладный воздух.

— Ещё немного, — пробормотал я, кивая самому себе.

Система тут же отозвалась: «До точки высадки — четыре метра. Угол подъёма оптимален».

Я снова оттолкнулся, и подъёмник потянул меня выше. Теперь я видел край выступа — неровный, с обломанными краями, будто кто-то когда-то вырубал здесь ступени. Ещё пара секунд, ещё один плавный рывок — и ботинки упёрлись в камень. Я нащупал опору, потянулся и рывком перевалился на площадку.

Встал и огляделся. Выступ был не таким уж большим, но отсюда открывался вид и на океан, и на тропу, и на чёрный вход в пещеру. Теперь это была не просто точка на стене — это была моя позиция. База, с которой можно смотреть, слушать и решать, куда идти дальше. А над головой шумели кронами гигантские хвойные деревья.

Сквозь лес пришлось пробираться с помощью клинка.

Шёл второй час моего путешествия по лесу. Ничего примечательного не произошло. Я видел огромных насекомых, змей, ящериц, зверьков наподобие бурундуков и множество птиц, больших и маленьких. Никто из них мной не заинтересовался, и на том спасибо.

Постепенно деревья кронами закрыли солнце, и заросли стали реже. Нож был уже не нужен. По мере того как местность понижалась, лес будто становился тяжелее: кроны нависали ниже, а воздух густел от прохлады низины.

Наконец лес расступился, и я вышел к голубому озеру. Оно было мелким: песчаное дно просматривалось насквозь. Пора было передохнуть.

Я расположился под кроной дерева и перекусил. Жара

стояла невыносимая. Провёл ладонью по лбу, стёр пот и уже хотел закрыть глаза на пару минут, как вдруг в наушнике тихо щёлкнуло, и голос дрона прозвучал резко и чётко:

— Александр, периметр. Движение. Три объекта, пешие. Направление — 112 градусов, дистанция — 280 метров. Тепловизионный контур подтверждает биосигналы.

Я замер, не опуская руки. Сердце забилось чаще. Не звери. Люди. Или то, что ходит как люди.

В ту же секунду перед глазами мягко вспыхнула полупрозрачная проекция — очки с видеосвязью вывели картинку с аэробота. Вид сверху, слегка наклонённый ракурс, зелёная тепловая палитра. В густых зарослях действительно двигались три силуэта: тёплые пятна, размер — человеческий, походка ровная, без звериных рывков. Один чуть впереди, двое следом, держат дистанцию. Они шли вдоль кромки леса, будто огибали озеро по дуге, и явно не спешили. Но в этой неспешности было что-то расчётливое.

Я пригнулся и ушёл в тень густой листвы. Очки продолжали показывать картинку: три пятна двигались уверенно, будто знали, куда идут. И самое тревожное — они шли не наугад, они шли по моим следам, прямо к озеру. Прямо ко мне.

Сканер на запястье коротко пискнул, подтверждая данные дрона, а на визоре поверх картинки всплыли метки: «Объект 1», «Объект 2», «Объект 3», дистанция, азимут, скорость — всё ровно, без скачков. Аэробот держал высоту, не прибли-

жаясь вплотную, чтобы не выдать себя, и аккуратно корректировал угол съёмки.

Я медленно, без резких движений, подтянул к себе рюкзак и проверил, легко ли вынимается клинок. Повесил бластер на шею. Дал приказ аэроботу: — Режим «Защита». Держи сектор в пятнадцать метров.

На очках вспыхнула строка: «Режим: Защита. Готовность: 3 сек».

Аэробот тем временем плавно сместился чуть правее, чтобы держать группу в кадре и не терять их за деревьями. На проекции мелькнула ещё одна строка: «Траектория сближения: вероятна встреча через 7–9 минут при сохранении курса».

Я медленно поднялся из тени, стараясь не делать резких движений. Шлем я снимать не стал: не из страха, а потому что не знал их целей.

Я сделал шаг из-под кроны, и солнце осветило броню скафандра. Металл на миг вспыхнул бликом. Ещё шаг. Ещё. Я шёл не спеша им навстречу, ровно, не отводя взгляда, но и не вглядываясь слишком пристально — так, как идут к тем, кого не хотят спугнуть.

Аэробот, повинуясь заложенному протоколу, тут же ушёл выше и тише, почти замер в воздухе, превратившись в едва заметную точку. На очках визор приглушил метки, оставив только тонкую зелёную дугу по краю поля зрения — чтобы видеть дистанцию, но не отвлекаться на цифры.

Трое воинов остановились. Лидер чуть опустил меч, но не убрал — просто перевёл в нейтральную позицию, как держат оружие, когда не уверены, враг перед ними или нет. Двое других стояли неподвижно.

Теперь я мог разглядеть их как следует. Они были выше обычного человека, метра два с лишним. Широкие плечи, литые мышцы, но без звериной грузности: в движениях чувствовалась выучка, отработанная годами. В руках — короткие костяные мечи, отполированные до матового блеска, с зазубринами у основания, будто их специально затачивали не для рубки, а для того, чтобы клинок держался в ране. Формой они напоминали гладиусы. С моим ростом в 185 сантиметров я доходил им до плеча. Длинные золотые волосы свободно падали на плечи, отливая в полуденном солнце. Глаза необычного золотистого оттенка. Смуглая кожа. Черты лица правильные, даже красивые. Кожаные доспехи плотно облегали торс, подчёркивая рельеф мышц, а на ногах были не тяжёлые сапоги, а лёгкие сандалии из толстой кожи, будто созданные для того, чтобы бесшумно ступать по камням и корням. Шлемы, видимо, из кожи какой-то рептилии, мягко поблёскивали, но забрала были подняты: лица воинов оставались открытыми, и от этого их изумление выглядело ещё откровеннее.

Они разглядывали каждую деталь: гладкий скафандр, блеск визора, непонятную форму рюкзака и пояса с приборами. В их позах не было агрессии. Скорее — ошеломление.

Будто они увидели не врага, а явление, которое не умещалось в их привычную картину мира. Лидер чуть наклонил голову, словно пытался что-то расслышать

Я остановился метрах в пятнадцати. Достаточно близко, чтобы они могли меня рассмотреть, и достаточно далеко, чтобы успеть отскочить, если что. Я медленно поднял правую руку — не в боевом жесте, не в угрозе, а ладонью вперёд, пальцы расслаблены. Простой, универсальный знак: «я не нападаю».

— Я не враг, — сказал я спокойно, хотя знал, что слова им вряд ли что дадут. — Я Александр! — выдохнул я, ударил ладонью себя в грудь и повторил: — Александр!

Мы молчали. Воздух между нами казался густым, как местная жара. Лидер перевёл взгляд с руки на моё лицо, потом на плечо, где мерцал маленький индикатор сканера — крошечный, но заметный в солнечном свете. Один из воинов справа тихо, почти шёпотом, произнёс чтото на своём языке — короткое, вопросительное, с приподнятой интонацией.

Лидер ответил ему на певучем языке и снова повернулся ко мне. Он не опускал меч, но держал его чуть мягче. Потом он медленно, будто сам не веря, что делает это, поднял свободную руку и повторил мой жест — ладонь вперёд, пальцы расслаблены. Не как вызов, а как осторожное зеркальное отражение. И произнёс длинную фразу на своём языке, тоже стукнув себя ладонью в грудь. Враждебности в его интонации не было.

В ухе тихо щёлкнуло, и голос аэробота прошептал, почти не нарушая тишины:

— Александр, переводчик фиксирует фоновые повторы. Идёт анализ фонетики. Предварительная оценка: язык тональный, много гортанных звуков. Стадия обучения — начальная.

На очках мелькнула полупрозрачная строка: *«Анализ: 12 %»*. И всё. Ни перевода, ни смысла, только строка о том, что система пытается разобраться.

Я чуть наклонил голову — не поклон, а просто движение, чтобы показать, что я вижу этот ответный жест, что я его понял.

Лидер помолчал ещё несколько секунд, будто пытался прочесть не слова, а то, что прячется за ними. Потом опустил меч ещё на пару сантиметров, уже явно не как оружие, а как предмет, который просто привычно держать в руке.

Теперь он смотрел на меня уже не настороженно, а с тем особенным вниманием, с каким смотрят на что-то редкое и непонятное, но не страшное. Его золотые волосы чуть шевелил лёгкий ветер, а в глазах читалось не столько подозрение, сколько глубокое, почти детское любопытство: как будто он впервые увидел нечто, выходящее за пределы всего, что знал. Он поднял ладонь и показал жест, приглашающий идти. Не торопил. Просто стоял, спокойный и твёрдый, как часть этого леса. Потом медленно провёл ладонью по воздуху — жест, который я уже начал понимать: «Пошли». Я кив-

нул: «Понял, пошли».

Каменная башня

Я шёл следом за лидером, стараясь не сбивать шаг. Второй воин держался сбоку — не касаясь, но так, чтобы между нами не осталось ни сантиметра для ошибки. Третий замыкал цепочку. Они двигались не как конвоиры и не как друзья — как разведчики, которые знают: один неверный шаг может стоить всем жизни.

Тропа пошла под уклон, лес вдруг расступился — и мы снова оказались на берегу моря. На самом краю обрыва, за высоким каменным забором, стояла башня: высокая, сложенная из тёмного камня, почти неотличимого от скалы. На плоской крыше под навесом застыли двое дозорных, неподвижные. Здесь, в отличие от места моей высадки, спуск к берегу был пологим, а на воде покачивалась огромная лодка-паладья. У ворот замерли ещё двое воинов — неподвижные, внимательные.

Лидер повернулся ко мне. В его взгляде не было ни враждебности, ни теплоты — только сосредоточенность человека, который ведёт подопечного через опасную зону. Он приложил ладонь к груди, потом медленно повёл ею вперёд — не как приглашение, а как инструкцию: «Иди за мной. Точно по следу. Не отклоняйся».

До башни оставалось шагов двадцать, когда один из стражников у ворот чуть шевельнулся. Рука легла на рукоять меча. Но лидер не остановился. Он чтото прокричал на сво-

ём языке и поднял руку ладонью вверх — в простом, древнем жесте: «Мы не с оружием. Мы ведём». И указал на меня, чтобы стражник точно увидел: этот чужак пришёл не сам.

Гдето над склоном дрон бесшумно скользнул по дуге, фиксируя каждый жест, каждый поворот головы, каждый луч света на камне. А на очках бежала строка: «Сбор данных. Статус: активен. Защита включена». И этого было достаточно.

Ворота скрипнули и приоткрылись ровно настолько, чтобы впустить нас по одному. Лидер шагнул первым, чуть повернул голову и едва заметно кивнул: «Теперь можно».

Передо мной открылся двор. Невысокая, но крепкая башня из того же тёмного камня, что и скалы. Узкие длинные окна. Каменные строения — целый небольшой гарнизон. В дальнем конце двора, под навесом из больших толстых листьев, лежал серебристый ящер, свернувшись клубком. При нашем появлении он встрепенулся, поднялся и раскрыл огромные крылья. Его умные голубые глаза настороженно уставились на меня. Он шумно потянул воздух ноздрями и издал звук, похожий на крик дельфина. Размером он был со слона, с длинным стройным телом; на спине виднелось чтото вроде седла. Лидер чтото тихо сказал ему на своём языке, и ящер послушно сложил крылья и лёг, не сводя с меня глаз. Внезапно он снова поднял голову — его встревожил мой дрон.

— Уходи на безопасную позицию, — прошептал я. — Те-

бя заметили.

Дрон послушно ретировался.

Двор постепенно наполнялся. Подтягивались воины в простых кольчугах и в более изящных. Вскоре нас уже окружала толпа. Из невысокой башни вышел пожилой воин в изысканной кольчуге и торопливой походкой направился к нам. Посередине двора стоял большой навес. Лидер жестом пригласил меня пройти туда, и все двинулись следом.

Под навесом вокруг длинного стола стояли каменные скамьи. Лидер указал мне место и сел рядом. Молодой воин принёс кувшины и глубокие чашки без ручек — посуду, напоминавшую морские раковины. Передо мной поставили чашку и наполнили её терпким прохладным напитком. Я с удовольствием выпил до дна, и мне тут же налили снова. На столе появились плоские раковины с плодами и снедью.

В наушнике ровно прозвучал голос дрона:— Направление — к побережью. Аппарат держится над кромкой деревьев, вне видимости с берега. Записываю. Пока только сбор.

На очках привычно бежала строка: «Сбор данных. Статус: активен». Система слушала.

Напротив меня сел пожилой воин — видимо, главный военачальник. На стол выложили мои вещи, и воины с любопытством уставились на них. Особенно всех привлёк клинок: судя по всему, с таким металлом здесь не были знакомы.

Лидер взял клинок и долго рассматривал, осторожно, будто боялся, что тот сам собой взвизгнет и порежет пальцы.

Он поворачивал его пядь за пядью, и на лице читалось упрямое желание разгадать загадку: как эта штука вообще сделана? Второй воин наклонился ближе, чтобы разглядеть узор у гарды, и тихо выдохнул короткое слово — в нём слышались удивление и уважение. Ещё один воин смотрел не на лезвие, а на рукоять, на то, как она ложится в ладонь; его пальцы чуть подрагивали, будто сами хотели повторить этот хват.

Пожилой военачальник не тянулся к клинку. Он наблюдал за своими людьми, будто оценивая не металл, а их реакцию: «Видите? Это не наш мир. Но мы с этим разберёмся». В его спокойствии чувствовался молчаливый приказ: не трогать, не пробовать рубить, не делать резких движений — сначала понять.

Воздух вокруг стал плотнее, будто металл тянул на себя внимание. Лидер провёл пальцем вдоль кромки, не нажимая, просто проверяя ровность, и поднял на меня глаза. Теперь в них было не подозрение, а тяжёлое, уважительное недоумение: «Ты пришёл с этим. Расскажи, как оно живёт».

Я снял шлем и положил на стол. По рядам воинов прошёл изумлённый шёпот, и вокруг шлема сразу собралась плотная группа. Я вытряхнул из терморюкзака все запасы и предложил угоститься, но желающих не нашлось. Затем разложил на столе все свои вещи — кроме бластера, который остался висеть у меня на шее, — жестом пригласив осмотреть их. Я не торопился: попивал напиток и наблюдал, как они осторожно изучают предметы, силясь понять их предназначение.

Моё внимание попрежнему занимал серебристый дракон. Он напоминал большую дворовую собаку и не спускал с меня глаз, будто чувствовал чужака.

Главный военачальник поднялся, чтото сказал лидеру и направился к дракону, зычно выкрикнув команду на своём языке. Дракон послушно встал, подошёл и подставил крыло. Военачальник быстро вскарабкался на спину, уселся в седле, и дракон, расправив крылья, взлетел. Сделав круг над крепостью, он улетел в сторону леса и исчез за кронами.

Лидер чтото сказал воинам, и толпа начала редеть: люди расходились по своим местам. Возле меня остались двое — видимо, охрана. Лидер сел рядом. Воспользовавшись паузой, я открыл планшет. Экран загорелся, и сразу запустился ролик для первого контакта — без слов, на одних образах, чтобы любой разумный вид мог уловить суть.

На экране появилась Земля, живой шар в облачной дымке. По краю диска ползла тень рассвета. Дальше — природа, животные, птицы. Потом люди: дети, взрослые, старики. Города. Улицы. Космодром: гул двигателей, клубы пара, ракета, уходящая в небо. И наконец — долгий пролёт сквозь космос: звёзды и далёкие туманности.

Лидер чуть наклонил голову, разглядывая светящуюся пластину. Он не потянулся к ней, но глаза его внимательно следили за картинкой.

Когда ролик закончился, он поднялся и жестом предложил следовать за ним. Охранники двинулись следом на

небольшом расстоянии — ровно настолько, чтобы не мешать, но держать нас в поле зрения.

Мы прошли по территории крепости. За углом оказался ещё один навес, спрятанный в тени стены. Под ним стояли самые настоящие лошади — чуть крупнее и массивнее земных, но безошибочно узнаваемые. Один из них, самый большой жеребец, повернул голову в мою сторону, шумно втянул воздух и фыркнул — коротко, оценивающе.

Лидер шагнул к коню и положил ладонь на его шею — спокойно, будто успокаивая и зверя, и саму мысль о возможной опасности. Потом взял из корзины у входа кусок сушёного корнеплода и протянул мне — ладонью вверх, без спешки. Я принял угощение и посмотрел на него.

Он не пытался говорить на своём языке — только показал на животное, потом на лакомство. Я подошёл ровно настолько, чтобы конь мог дотянуться, если захочет. Протянул корнеплод на раскрытой ладони. Конь наклонил тяжёлую голову, осторожно взял лакомство тёплыми губами, хрустнул им и снова фыркнул — уже не насторожённо, а почти одобрительно.

Лидер тихо произнёс по слогам: «Э-ни-о» — похоже, это было имя или обращение к жеребцу. Он снова положил ладонь ему на шею. Я повторил: «Энио». На его лице промелькнуло подобие улыбки. Он одобрительно мотнул головой и постучал себя в грудь, старательно выговаривая по слогам: «Ал-ло-лио». Я снова повторил: «Аллолио». Тут он уже

широко улыбнулся и выжидательно уставился на меня.

Я понял. Стукнув себя в грудь, произнёс по слогам: «А-лександр». Аллолио старательно повторил за мной. Сочетание согласных далось ему нелегко, но он не сдался и повторил моё имя несколько раз. Я в ответ снова произнёс его имя, а потом, указав на жеребца, повторил: «Энио».

После этого Аллолио повёл меня вверх — по узкой каменной лестнице, спиралью уходящей к вершине сторожевой башни. Ступени были крутыми и выщербленными, и я старался не смотреть вниз, чтобы не выдать, что высота меня слегка тревожит.

Наверху, на площадке, ветер дул сильнее. Навес прикрывал от двух солнц, и жара отступила, будто здесь начиналась другая погода.

Передо мной открылась панорама: бухта, изрезанная узкими заливами; тёмные скалы, уходящие в море; леса, подступающие к самой кромке воды; а дальше, за холмами, — широкие равнины, над которыми дрожал горячий воздух. Вдали синела тонкая извилистая река.

Два солнца висели в небе: одно большое, второе — поменьше, чуть выше. Их свет ложился на землю двумя разными оттенками: один — золотой, другой — слегка голубоватый. И от этого весь пейзаж казался одновременно знакомым и чужим, будто нарисованным другой рукой.

Спустившись с башни, мы снова оказались под навесом. Вскоре пришёл молодой воин — в руках у него был боль-

шой дымящийся котёл, а за поясом торчал небольшой рог. Он поднёс его к губам и протрубил. Звук разнёсся по двору, и воины стали собираться за столом.

Молодой воин разливал уху, а это несомненно была она, судя по запаху, по чашкам, расставляя их перед каждым. В супе плавали куски рыбы, пряности и ломтики корнеплодов — аромат был густой, острый, почти обжигающий. На столе появились тарелки с закусками, корнеплодами и лепёшками, напоминавшими хлеб.

Я потянулся к рюкзаку и достал комплект столовых приборов — нож, вилку и ложку. Все, кто сидел за столом, с любопытством наблюдали за мной, а я — за ними. Мне было интересно, чем они станут есть уху: привычных столовых приборов на столе не было.

Воины достали из небольших сумок на поясе свои черпачки — каждый свой: у кого-то из раковины, у кого-то из кости. Одни были искусно обработаны и отполированы, другие — довольно грубые. Стало ясно: эти простые предметы, как и кольчуги, прямо указывали на социальный статус владельца.

У Аллолио черпачок был из кости — аккуратно выточенный, гладкий, явно не первый год служивший хозяину. Он достал ещё один такой же и протянул мне. Я в ответ показал ему свои приборы. Аллолио одобрительно кивнул — мол, пусть будет по-твоему, если хочешь.

Еда оказалась пряной и острой, но вкус мне понравился. Я попробовал понемногу всё, что стояло на столе, под одобри-

тельные возгласы стражников. Казалось, им было приятно, что чужак не морщится и не отказывается.

Когда обед закончился, Аллолио отвёл меня в небольшую жилую башню. Внутри была та же винтовая лестница, что и в сторожевой, — она вела на второй этаж, где в коридор выходило несколько дверей. Он открыл одну из них: за ней оказалась небольшая комнатка с подобием лежанки — простой тюфяк на деревянном настиле.

Аллолио сделал мне знак, и я вышел за ним на улицу. Мы обогнули башню, и в самом углу двора оказался самый настоящий нужник. Честно говоря, он пришёлся очень кстати.

Большой диск солнца уже скрылся в море, и начались сумерки. Но полной темноты не было: второе, меньшее светило всё ещё держалось над горизонтом, окрашивая небо в бледносеребристый оттенок — получалась своего рода белая ночь.

Я вернулся в отведённую мне комнатку и устало растянулся на тюфяке, подложив кулак под голову. Привычно открыл планшет. Мне показалось, я целую вечность не видел любимых лиц. Они улыбались, будто ничего не случилось, будто где-то там всё по-прежнему спокойно. Я задержал дыхание, стараясь удержать эту картинку, пока экран не погаснет. За дверью остался один охранник; ещё какое-то время я слышал его шаги по каменному полу, но вскоре сон сморил меня.

Глава 4

Нежданное путешествие

Наутро я проснулся свежим и отдохнувшим. Во дворе было оживлённо. Несколько воинов тренировались в бою. Глухо стучали костяные мечи. Я невольно задержался взглядом на поединках. Стоял и смотрел, и в груди шевельнулось старое, почти забытое чувство: как хочется тоже шагнуть в круг, ощутить вес клинка в руке.

Аллолио заметил меня и подошёл. Я протянул ему руку в знак приветствия, он немного замешкался и протянул в ответ свою. Мы немного постояли, понаблюдав за поединками, и он знаком пригласил меня под навес.

Видимо, все уже позавтракали — на столе остались несколько лепёшек, сыр, куски холодного мяса и кувшин с чемто тёплым. Мне страшно не хватало чашки кофе. У меня был с собой молотый кофе, но как объяснить, что мне нужен только кипяток? Я покрутил жестяную баночку в пальцах, вздохнул и спрятал её обратно.

После завтрака я занялся своим дроном. Надпись «Сбор данных» всё ещё горела. Я позвал Аллолио к лошадям: показал на него и на его коня, потом ткнул себя в грудь и указал на небо, где висел дрон. Аллолио удивлённо расширил глаза. Дракона в крепости не было, и за дрона можно было не опасаться.

Я приказал дрону следовать за мной, и он послушно подлетел. Я снова стукнул себя в грудь и показал на дрона, потом на Аллолио и коня, давая понять, что дрон — это мой друг. Аллолио недоверчиво покосился на мой дрон, но спорить не стал.

Я боялся, что ктонибудь рано или поздно сочтёт его за угрозу и собьёт стрелой, а я останусь без защиты, переводчика и глаз. Я подозвал дрон вплотную к себе, похлопал по нему и опять ткнул себя в грудь. Аллолио согласно кивнул, и дрон теперь мог сопровождать меня повсюду.

Из-за леса вынырнула большая птица с широкими крыльями; перья отливали бронзой в последних лучах. Она не кружила, а шла строго по прямой, снижаясь к самой высокой башне. На её лапе чтото болталось, похожее на футляр для послания.

Часовой на стене что-то выкрикнул, и по двору прошло движение. Птица села на край парапета, сложила крылья и замерла. К ней тут же подбежал посыльный, отстегнул футляр и бегом спустился вниз.

Аллолио поднялся, лицо стало жёстким и собранным. Посыльный протянул ему маленький свёрнутый свиток, перетянутый лентой. «Ага, — подумал я, — прибыла почта. Значит, письменность у них присутствует».

Он развернул послание, пробежал глазами по строкам. Его брови чуть сошлись, а потом он медленно поднял взгляд на меня, коротко бросил несколько фраз солдатам, и в кре-

пости начался настоящий аврал.

Двор, ещё недавно полный утренней суеты, теперь гудел подругому — не тренировочным ритмом, а дорожной спешкой. Скрипели кожаные ремни, звякали пряжки; ктото проверял упряжь у лошадей, ктото собирал провизию, фляги с водой, ктото готовил оружие. В течение часа всё было собрано.

Воины выстроились. Аллолио шагнул к строю всадников, коротко выкрикнул имена. Из строя вышли пять человек и бросились к конюшне. Затем он ткнул пальцем в меня и показал на ворота. Смысл был предельно простым: «Ты едешь с нами».

Мне оседлали самого мелкого из жеребцов. Я критично оглядел седло: в таком мне ещё не приходилось ездить. Аллолио с сомнением посмотрел на меня — справлюсь ли я? В сущности, я и сам сомневался, смогу ли управлять этим животным. Но, решив для себя всё выяснить в дороге, взял коня под уздцы и двинулся пешком.

Все свои вещи я положил в специальные мешки, перекинутые через круп животного. Дрон летел впереди меня. Мы покинули крепость и взяли курс на северовосток — по нешироКой извилистой дороге, больше напоминавшей широкую тропу.

Я внимательно наблюдал, как воины управляют конями, какие дают команды. Аллолио понял мои сомнения и, остановив отряд, показал мне, как управлять животным. Коман-

да «Со» — стой, «Ийя» — вперёд, «Ас» — тихо. Этого было мне вполне достаточно.

Я легко запрыгнул в седло — сказалась многолетняя подготовка. Аллолио осмотрел мою посадку в седле и одобрительно кивнул. Правда, надо сказать, седло было непривычным, но ничего, решил я, в пути пообвыкну.

Бластер я повесил на шею, клинок пристроил на боку. Скафандр снял ещё вечером в крепости и остался в лёгком лётном комбинезоне. Голову от солнца завязал футболкой — в общем, тот ещё видок. Но одежды у меня никакой больше не было, а надевать любезно предложенные мне Аллолио кожаные доспехи я не захотел. А вот от ножен для клинка не стал отказываться.

Мы растянулись в цепочку и двигались лёгкой рысью. Под кронами деревьев было довольно комфортно, да и ветер обдувал на ходу. Дрон летел чуть впереди нас и контролировал обстановку вокруг.

Первый привал мы сделали через три часа, и то в большей мере изза меня. Последний раз я садился в седло лет семь-восемь назад, когда выступал на соревнованиях. Так что я явно переоценил себя.

Аллолио первым заметил мою скособоченную посадку и скривлённые в гримасе боли губы. Он замедлил коня, все остановились и спешились. Я, кряхтя, выпал из седла и рухнул прямо у дороги. Интересно, сколько нам ещё ехать? Судя по количеству взятых с собой запасов — оченьочень далеко.

Воины достали из мешков снедь и фляги, соорудили импровизированный стол. Есть мне не хотелось, зато пить хотелось сильно.

Воины негромко переговаривались, и дрон, тихо посвистывая, парил над ними, ловя каждый шёпот и сканируя округу. Время привала истекло. Всадники вскочили в сёдла; я коекак вскарабкался следом — и мы двинулись дальше.

Дорога пошла под уклон. Деревья росли всё гуще, становились выше и раскидистее, будто нарочно сплетались ветвями, чтобы перекрыть путь. Растительность затягивала тропу на глазах. Вскоре ехать стало невозможно: нависающие сучья хлестали по лицу, и Аллолио махнул рукой — спешиваемся. Я с радостью сошёл с коня.

Воздух густел, становился тяжёлым, с горьким привкусом сырости и гнили. Почва под ногами хлюпала, местами превращаясь в вязкую жижу. Мы шли не спеша, делая короткие остановки, и так прошли ещё четыре часа, пока не встали на полноценный привал.

Здесь было сумрачно и сыро. Ветви сомкнулись над нами сплошной крышей, почти не пропуская свет, и лес погрузился в полумрак. Я привалился спиной к широкому корню, не в силах пошевелиться: каждый мускул ныл, напоминая о долгих часах в седле. Дрон мягко опустился на толстую ветку повыше. Аллолио выставил дозор по периметру лагеря.

Он опустился рядом со мной на землю и протянул кусок вяленого мяса, лепёшку и флягу. Меня клонило в сон, глаза

закрывались сами собой.

И вдруг дрон издал короткий, тревожный писк. На очках вспыхнула строка: «Тепловой объект. Крупный. Слева, 12 метров. Скорость — высокая».

Лошади испуганно захрапели. Воины встрепенулись, напряжённо вглядываясь в сумрак, и подняли копья. Я вскочил, торопливо опустил на глаза очки: «Выведи на экран». Но увидеть ничего не успел.

Из кустов вырвалось нечто огромное. Тяжёлое, с широкой грудью и непропорционально мощными передними лапами, оно неслось вперёд. Воины отскочили и вонзили в него копья — но это не остановило зверя. Он лишь взревел и прыгнул прямо на меня.

Аллолио выкрикнул чтото резкое и рванулся вперёд, закрывая ему путь. Я вскинул бластер. Оружие щёлкнуло и выплюнуло короткий, ослепительно яркий импульс.

Выстрел ударил по ушам, вспышка на мгновение ослепила всех. Зверь, уже в прыжке, будто наткнулся на невидимую стену. Его тело дёрнулось, инерция пыталась докрутить движение, но прыжок уже терял силу. Он рухнул на землю с тяжёлым, глухим стуком, подняв облако сухой хвои, и замер — без судорог, без долгой агонии, просто резко и окончательно.

Стало тихо. Только дрон пищал, сканируя тепло. На очках моргнуло: «Объект неподвижен. Температура падает».

Аллолио стоял, не опуская клинка, и смотрел на зверя, будто ждал подвоха: вдруг сейчас поднимется, щёлкнет зу-

бами, снова бросится. Но тот не шевелился.

Изумлённые воины осматривали тушу, силясь понять, что же убило его. Аллолио с ужасом уставился на мой бластер — он был ближе всех и видел, чем я остановил зверя.

Я опустил оружие, но пальцы не спешили отпускать рукоять. Ладонь была горячей от отдачи, а сердце всё ещё колотилось.

Подойдя к зверю, я осмотрел его. Это было нечто среднее между медведем и волком, но чудовищных размеров. Из пасти торчали большие саблевидные клыки. Он напоминал доисторического мегистотерия — а возможно, им и был.

Воины о чёмто негромко спросили Аллолио. Он кивнул в мою сторону и указал на бластер. Я заметил их взгляды: испуганные — на висевшее у меня на шее оружие, одновременно уважительные и благодарные — на меня самого.

Отряд быстро собрался, проверил оружие и двинулся дальше, стараясь ступать тише. Лес больше не казался просто дорогой — он снова стал чужой территорией, где тишина могла быть не покоем, а затишьем перед новой атакой.

Постепенно новый подъём стал ощутимее, ветви расступились, открывая небо. Мы вскочили на коней и продолжили путь до ближайшего ночлега. Вскоре лес остался позади, а дорога повернула вдоль выжженных солнцем холмов.

Она шла вдоль реки, и вода здесь была светлой, почти прозрачной — бежала по камням и звенела. По краям тянулись бескрайние поля, огороженные частоколом и тонкими

каменными плитами, вкопанными перпендикулярно в землю. Плиты стояли ровно, будто ктото специально подбирал их по высоте и толщине, чтобы стена казалась не грубой, а аккуратной, как строчка в книге.

Я ехал чуть позади Аллолио, стараясь не терять ритм отряда. После лесной темноты открытое пространство казалось почти оглушающим: солнце било прямо в глаза, отражаясь от воды и светлых плит. Даже ветер здесь был другим — не шелестящим в листве, а ровным, густым, будто накатывал волнами.

Аэробот летел чуть впереди, тихо посвистывая на ветру, а на экране то и дело вспыхивали строки: «Ветер: 4–5 м/с», «Видимость: высокая», «Температура: 35 °C».

Потом дорога пошла под уклон — сначала едва заметно, а потом всё круче, и отряд невольно сбавил ход. И вот перед нами внизу открылась долина.

Я заговорил

Долина лежала внизу, зелёная и густая. Трава переливалась от светлосалатового у самой дороги до глубокого изумрудного ближе к центру, где росли старые деревья с толстыми, низкими ветвями. Среди зелени виднелись строения, окружённые высоким забором.

Мы спустились вниз. За изгородями показались огромные навесы, послышались голоса пасущихся животных, похожие на мычание коров и блеяние овец.

Дрон медленно опустился ниже, почти к самому моему

плечу, и тихо пискнул. Всплыла надпись: «Угрозы не обнаружено».

Вскоре загоны закончились, и мы подошли к высокому забору, окружавшему всё поселение, с крепкими воротами. Стражники перебросились фразами, двери открылись — и мы вступили в деревню.

Дома были одноэтажными, из тонких каменных плит, похожих на сланец. Плиты стояли чуть внахлёст, как чешуя, и оттого казалось, что стены не просто стоят, а мягко изгибаются, повторяя линии холмов. Крыши были низкими, почти плоскими. Сначала мне показалось, что они покрыты черепицей, но, подойдя ближе, я разглядел: это панцири черепах или, возможно, крупных морских моллюсков. Ярко-коричневые, блестящие, они лежали внахлёст и хорошо защищали от непогоды.

Но что поразило меня больше всего — идеальная чистота вокруг. Нигде не было видно мусора или следов беспорядка. Дорожки между домами были тщательно выметены, а возле каждого дома росли аккуратно подстриженные кусты и огромные цветы, от которых тянулся лёгкий медовый запах.

Местные жители, в основном мужчины, заметив нас, выходили из домов и приветствовали сдержанными поклонами. Они были одеты в светлую лёгкую одежду, а их движения были плавными и размеренными.

У одного из строений я увидел женщину, которая набирала воду из каменного жёлоба. Она обернулась — длинные зо-

лотые локоны струились по плечам, огромные золотистокарие глаза с длинными чёрными ресницами смотрели с удивлением и интересом на незваных гостей. На её лице играла улыбка, в которой читались и гостеприимство, и настороженность.

Женщина была одета в длинную тунику из белой ткани, подчёркивавшую её стройную фигуру. На руках её сверкали браслеты, а на шее висело ожерелье из ярких цветных камней.

Из дворов неожиданно начали выбегать дети — они радостно махали руками и чтото кричали на местном наречии. Изумлённо рассматривая меня, дрона и весь отряд, они шли следом, не отставая ни на шаг. Один мальчишка, самый смелый, подошёл почти вплотную и осторожно коснулся пальцем края моего рукава — будто хотел убедиться, что я настоящий.

Дрон, тихо посвистывая, медленно кружил над моей головой, внимательно фиксируя каждое движение. На экране вспыхнули строки: «Обнаружено движение: 18 объектов. Тип: человек. Поведение: спокойное, сдержанное, характерное для данной местности. Уровень активности: минимальный, без признаков тревоги. Угрозы не обнаружено».

Аллолио остановил коня на большой площади, где был обустроен такой же навес, как в крепости, поднял руку — и весь отряд спешился. Под навесом стоял большой стол со скамьями, очаг, а рядом — привязь с яслями для лошадей. Я

понял: здесь мы и заночуем. Местные жители проявили гостеприимство и завалили нас всевозможными угощениями и снедью.

Утро прошло в сборах, и вскоре мы покинули этот гостеприимный приют. За воротами с противоположной стороны деревни оказалась вполне сносная просёлочная дорога. Мы пустили коней рысью и понеслись вперёд, поднимая клубы пыли. Аэробот летел над нами.

Впереди показалась стена леса, но уже более низкорослого. Жара усиливалась, и я с облегчением вздохнул, когда мы вступили под кроны деревьев. С точки зрения безопасности на открытой местности, конечно, было спокойнее, но сейчас тень и прохлада казались куда важнее.

Вдруг в ухе прозвучал долгожданный сигнал: «К передаче информации готов».

Дрон тихо щёлкнул — и этот звук прозвучал почти как выдох после долгой работы. На внутреннем интерфейсе не просто всплыла строка, а развернулась целая сводка, будто он наконец распутал клубок звуков, который тянул за собой несколько дней.

— Анализ завершён. Базовый словарь: 317 единиц. Грамматические конструкции: выявлены три типа предложений — утверждение, вопрос, предупреждение. Вероятность корректного перевода в бытовых ситуациях — 83 %. Основные фразы готовы к применению.

Я невольно задержал дыхание. Три сотни слов — это уже

не набор отдельных звуков, а язык. Теперь главное — чтобы загрузка прошла успешно. Чип мне вшили ещё на Земле как раз для таких случаев, незадолго до полёта.

— Ну, давай! Грузи! — приказал я дрону, и в сознание хлынул поток информации — чужой, плотной, будто сотканной из незнакомых ритмов.

Сначала это было похоже на ледяной дождь: по коже пробежал неприятный холодок, а потом мир будто сдвинулся с места. Цвета стали ярче, тени — резче, а каждый шорох листьев звучал так, будто кто-то шептал прямо в ухо, но не словами, а смыслами. В висках застучала тупая боль, как после слишком долгого бега, а к горлу подкатила лёгкая тошнота. Я поднял руку, останавливая отряд, спешился и опёрся ладонью о седло. Нужно было просто постоять, чтобы мир перестал покачиваться.

Аллолио тут же подъехал, нахмурился, вопросительно вглядываясь в моё лицо:— Что случилось?

И тогда я, стараясь говорить ровно, произнёс на его родном языке:— Аллолио, я устал. Давай немного отдохнём.

Мой друг на секунду будто перестал дышать. Лицо его застыло, а потом изумление прорвалось наружу — он даже приподнялся в стременах, будто хотел разглядеть во мне что-то новое.

Вокруг тут же обступили все остальные. На меня посыпался поток фраз — ещё недавно непонятных, а теперь я с лёгкостью улавливал смысл почти каждой: «Он говорит на

нашем языке!», «Как это возможно?», «Ты знал и молчал?!»

Голоса сливались в гул, и на мгновение мне показалось, что я снова слышу этот чужой язык как шум ветра — но нет, теперь в нём были слова, отдельные, чёткие, живые. И самое странное — они словно сами ложились на язык: я не выучил их, а вспомнил.

Аллолио наконец заговорил:— Александр, как это возможно? Ты выучил наш язык? Всё время молчал, молчал — и вдруг заговорил… Вот это да!

— Меня научил мой помощник, — кивнул я на аэробота. — Скажи мне самое главное: куда мы едем? И зачем?

Аллолио расправил плечи, и в его голосе прозвучала гордость:— Мы едем в столицу. Сам король хочет тебя увидеть.

— Долго нам ещё ехать? — спросил я, осторожно касаясь виска, где всё ещё пульсировала тупая боль.

— Если быстро — то к концу дня приедем. Если медленно — то завтра к обеду.

— Давай поедем медленно, — попросил я. — У меня голова болит после обучения твоему языку.

— Хорошо, Александр, — улыбнулся Аллолио. — Поедем медленно.

Пока мы отдыхали, я узнал, как зовут всех моих сопровождающих. Правда, запомнить сразу все имена не получалось — они сплетались в один узор из непривычных звуков. Но одного я запомнил сразу: Илай, самый молодой воин. Он первым решился заговорить; в глазах его было любопытство,

а пальцы то и дело тянулись к рукояти ножа — не угрожающе, а как к чему-то привычному, родному.

— Расскажи, — тихо попросил он, — как ты убил страшного зверя?

Я улыбнулся и показал на бластер:— Я убил его молнией, которая живёт в этом оружии.

Илай побледнел и прошептал, будто боялся произнести громко:— Ты… колдун?

Я рассмеялся — не насмешливо, а так, чтобы снять напряжение, чтобы этот страх не отдалил нас:— Нет, я не колдун. Это такое оружие — оно бьёт лучом.

Мы присели под деревьями. Воины достали остатки еды — той самой, которой нас щедро угощали жители деревни. Хлеб был грубым, с хрустящей корочкой, сыр — терпким, и даже эти простые кусочки сейчас казались вкуснее обычного.

Я откусил кусок, прикрыл глаза на мгновение и выдохнул. Боль в виске понемногу отступала, а вместе с ней уходила и странная пустота, которая бывает, когда в голове слишком много нового.

Дорога к королю

Теперь наше путешествие стало гораздо интереснее и веселее. Мы ехали с Аллолио рядом и болтали без умолку. Я расспрашивал его о нём самом, о его семье, о стране, о драконах.

Аллолио происходил из богатой семьи потомственных во-

инов, входивших в особый орден защитников, которые охраняли границы королевства и обучали новичков искусству боя. Они славились железной дисциплиной и мастерством владения оружием. И его отец, и дед, и прадед — все были военными. В семь лет мальчиков забирали в военную школу, где они обучались грамоте и военной науке. К шестнадцати годам они становились полноценными воинами на службе у короля. Аллолио служил в королевском гарнизоне. Однажды он заступился за молодого воина перед главным военачальником королевской стражи, который был потомком королевской династии, за что и был сослан на дальние рубежи и лишён званий.

Свою страну они называли Королевством Эллория. Оно раскинулось от Мелкого моря, откуда мы ехали, до Великого океана, который невозможно переплыть из-за страшных чудовищ, обитающих в водах. Это было древнее государство, где королевская семья Элларио правила на протяжении многих веков. Их род восходил к временам первого союза людей с драконами, когда предок-основатель сумел установить контакт с древним серебряным ящером и основал Орден всадников драконов. Члены династии носили особые родовые имена, включающие «Элларио», что указывало на их принадлежность к древнему роду и право на престол.

Я расспросил его про второй материк. Аллолио рассказал мне, что древний манускрипт говорит о том, что некогда оба материка были едины. На одной стороне материка жила

воинственная раса, страна их называлась Андагон. По словам Аллолио, андагонцы были людьми с более тёмной кожей, чем у эллорийцев, тёмными глазами, такого же роста, но необычайно атлетического телосложения. Они совершали набеги на эллорийцев, похищали их женщин, скот и запасы продовольствия.

Их страны разделяли высокие огнедышащие горы, в которых жили чёрные драконы — настоящее бедствие для народа. В этих горах жил Бог Огня, а чёрные драконы были его посланниками. Андагонцы украли у бога драконьи яйца, вырастили из них драконов и перелетели через высокие горы в Эллорию. Много бед принесли они эллорийцам с помощью этих драконов. Целые города были разорены и уничтожены.

Бог Огня рассердился за кражу его драконов и покарал их. Горы взорвались огнём, земля затряслась и разверзлась с оглушительным грохотом. Море хлынуло в пропасть. Волны смывали всё на своём пути. Трещины поползли по земле, словно паутина, разрывая плодородные поля и древние дороги.

Мощный толчок расколол землю, и она начала медленно расходиться в стороны. Трещина ширилась, поглощая леса и деревни, превращая цветущие долины в бездну. Драконы в небе метались и горели заживо. Целая часть материка медленно отделилась, образуя новый континент. В образовавшемся проливе закрутился гигантский водоворот.

А когда первые толчки стихли, стало видно, что мир из-

менился навсегда. Там, где раньше была единая земля, теперь простирался океан. Эллория тоже пострадала, но не так сильно, как Андагон. Море затопило всю равнину Эллории. Андагон эллорийцы больше никогда не видели. Древние пророчества говорили о таком дне — дне, когда мир расколется надвое.

— Андагонцы больше не нападают на вас? — спросил я Аллолио.

— Нет. Никто из ныне живущих не видел ни одного андагонца и ни одного чёрного дракона. Океан кишит огромными морскими драконами, а сильные бури и ветра не дают им проникнуть в нашу страну. К тому же их драконы не смогут долететь до нас: древние манускрипты говорят, что, хоть они огромны и страшны, летать далеко они не способны. — Аллолио на минуту задумался и спросил: — А как ты попал сюда?

Я ждал этого вопроса. Меня уже давно терзала эта мысль: рассказывать или нет о челноке. На всякий случай я решил пока не рассказывать.

— Понимаешь, Аллолио, — начал я, пытаясь объяснить то, для чего мне ещё не хватало слов. — Есть другой мир. Там живёт мой народ.

— Это на Андагоне? — с любопытством спросил Аллолио.

— Нет. Он там. — Я указал пальцем в небо.

Аллолио недоверчиво покачал головой: — Другой мир в

небе? Никогда о таком не слышал. Наши манускрипты говорят, что там живут только Покинувшие нас и боги.

— Мой мир очень далеко отсюда. Настолько далеко, что даже ваши драконы не смогли бы долететь.

— А как же ты сюда попал? — не унимался Аллолио.

— Моя летающая лодка была особенной: она могла летать очень высоко и далеко. Но случилась беда — я попал в страшную бурю между мирами и оказался здесь.

— Летающая лодка? — удивлённо переспросил Аллолио. — Никогда не слышал о таких. Они похожи на наши корабли?

— Нет, совсем другие. Они могут летать по небу.

— А где сейчас твоя лодка?

— Не знаю, она потерпела крушение, — уклончиво ответил я, не желая говорить всё.

Аллолио покачал головой, явно не до конца веря моим объяснениям, но не стал настаивать.

— Интересно... — протянул он. — Расскажешь мне ещё о твоём мире?

— Обязательно, — улыбнулся я. — Но не сейчас. Сейчас мне нужно собраться с мыслями.

Мы продолжили путь в молчании, каждый погружённый в свои размышления. В моей голове крутились воспоминания о взрыве, о падении, о том, как челнок прошёл сквозь разрыв в пространстве, чтобы оказаться здесь, в мире драконов. Я не знал, что ждёт меня впереди, и пока был не готов рассказать

всю правду о своём прибытии в этот мир.

Глава 5

Последний приют

Сверху донёсся нарастающий звук. Сначала я принял его за шум ветра, но звук становился всё отчётливее. Подняв голову, я увидел: в небе парили два дракона. Их серебристая чешуя переливалась в лучах солнца, а длинные хвосты плавно рассекали воздух.

На спинах драконов сидели всадники в лёгких доспехах, их плащи развевались на ветру. Драконы выполняли в воздухе сложные фигуры, демонстрируя своё мастерство. Один из них, заметив путников, сделал несколько кругов над дорогой, явно приветствуя нас, — после этого драконы начали снижаться. Две огромные тени накрыли дорогу, заставляя нас невольно отступить. Когда величественные ящеры приземлились перед нами, земля содрогнулась от тяжести их тел. Я предусмотрительно приказал дрону опуститься на землю и не маячить в воздухе.

Всадники спешились, и стало видно, что это не просто драконьи всадники: их доспехи были украшены роскошной росписью и гербами, на красных плащах расшиты серебряные изображения драконов, а на поясах висели богато украшенные короткие мечи. Это были явно знатные особы.

— Приветствуем вас, доблестные воины! — произнёс старший из всадников, чей дракон был самым крупным. —

Мы прибыли встретить вас и оказать почётное сопровождение.

Путники растерялись. Встреча с королевскими драконьими всадниками была редкой честью, а уж со знатью и подавно, и они не знали, как реагировать на такое внимание. Все молча преклонили колени.

Аллолио первым пришёл в себя и низко поклонился:

— Ваше высочество, приветствую вас! Для нас это великая честь.

— Приветствую вас, ваше высочество! — произнёс я, слегка склонив голову. Осанка моя оставалась прямой, а голос звучал твёрдо и спокойно.

— Вы и есть тот самый чужестранец с диковинным клинком из неизвестного материала?

Принц подошёл ко мне с интересом, разглядывая меня с высоты своего роста. Его спутник молча рассматривал меня, не выказывая особого дружелюбия.

— Я принц Антонио Инэо Элларио, — представился он. — А это мой друг и муж моей сестры — принц Илларио.

Илларио лишь коротко кивнул.

Я склонился в почтительном поклоне, понимая, что на чужой территории надо соблюдать обычаи.

— Меня зовут Александр, — представился я. — Рад познакомиться с вами!

— Не стоит таких церемоний, — улыбнулся принц. — Вам нужно поторопиться: король не любит ждать. В путь!

Ждём вас в Последнем приюте, — коротко бросил он через плечо, взбираясь на спину дракона. Ящер расправил крылья и легко поднялся в воздух.

Отряд двинулся дальше, а серебристые драконы парили над нами, иногда опускаясь ниже, чтобы проверить, не отстают ли путешественники.

Одно солнце уже клонилось к закату, а второе сияло голубоватым светом, когда мы добрались до небольшого селения. Улицы были узкими, дома — невысокими, с покатыми крышами. В центре располагалась таверна с вывеской в виде огромного чёрного дракона и красноречивым названием «Последний приют».

— Здесь мы и остановимся на ночь, — сказал Аллолио, спешиваясь.

Я скептически посмотрел на вывеску и название гостиницы, объясняя себе это трудностями перевода.

В таверне было шумно и людно. Когда мы вошли, принц Антонио со своим спутником успели занять большой стол у окна и поджидали нас. После короткого обмена приветствиями мы получили приглашение сесть за один стол. Воины устроились во дворе под навесом.

Интерес Антонио был очевиден: он с ходу начал расспрашивать меня обо всём — о моём клинке и материале, из которого он сделан, о дроне, о моём знании их языка, о том, откуда я прибыл и где мой мир. Он и его спутник несколько раз посмотрели ролик про нашу планету на планшете, и они

снова удивились.

Принц Антонио был человеком исключительного ума и неутолимой жажды знаний. Его пытливость проявлялась во всём. Я увидел в нём не высокомерного принца, а равного собеседника, готового учиться всему новому. Особенно принца увлекали загадки природы и неизвестные технологии. Похоже, инициатива встретить нас и проводить до замка отца принадлежала именно ему.

В тот момент, когда принц внимательно рассматривал дрона, которого я на время деактивировал, произошло нападение. Мой взгляд случайно упал на окно, напротив которого сидел принц, и я увидел в окне человека в чёрном капюшоне, закрывавшем лицо, и наложенную на тетиву стрелу. Нетрудно было догадаться, кто был целью.

Не теряя ни секунды, я повалил принца на пол и крикнул остальным:

— Ложись!

В тот же миг раздался щелчок арбалета — стрела воткнулась прямо в стол, там, где только что сидел принц.

В таверне началась паника. Посетители в ужасе разбегались, опрокидывая столы. Аллолио и охрана мгновенно окружили принца защитным кольцом.

— Он уходит! — выдохнул я, быстро оценивая ситуацию и пытаясь активировать дрона. — Нужно его поймать!

Оставив принца под защитой воинов, мы с Илларио и Аллолио ринулись к выходу. Но время было упущено: пока мы

выбежали из дверей на улицу и обогнули здание со стороны двора, где находилось окно, убийца исчез. Вылезти через окно во двор не представлялось возможным — окна в этом помещении были очень узкие.

Стража прочесала все крыши и дворы, но никого не обнаружила. В спешке я не успел активировать дрона для слежения.

Вернувшись к принцу, мы увидели, что Антонио уже пришёл в себя и горячо благодарил меня как своего спасителя.

— Ваше высочество, нам нужно срочно покинуть это место, — решительно произнёс Илларио. — Убийца может вернуться с подкреплением. Оставаться на ночлег здесь опасно. Нужно вернуться в замок.

Принц кивнул, понимая серьёзность ситуации. Попрощавшись, они покинули нас, и через мгновение мы услышали шум крыльев удаляющихся драконов.

Мы устроились на ночлег вдвоём с Аллолио в небольшой комнате на втором этаже таверны. Перед сном Аллолио вдруг поделился со мной своей версией произошедшего:

— А если стреляли не в принца?

— А в кого тогда? В тебя или Илларио?

— В тебя.

— Зачем кому-то убивать незнакомого человека? — я отрицательно замотал головой. — Нет. Стреляли именно в принца. И подослал его тот, кто знал, что принц будет ночевать в этой таверне.

Аллолио, стоявший рядом, мрачно кивнул:

— Да, пожалуй, ты прав. Но получается, об этом знали только трое: ты, я и принц Илларио.

Он многозначительно посмотрел на меня и отправился спать.

В ту ночь я долго не мог уснуть, оставаясь настороже. Я активировал дрона и сканировал окрестности в поисках стрелявшего. Но всё тщетно: я ничего не обнаружил.

Аудиенция у короля

Дальнейший наш путь прошёл без приключений, и к полудню мы увидели причудливые башенки замка, окрашенные в серебристый цвет. Замок высился на высоком обрыве у моря, на большом плато, окружённый зелёным садом и высоким забором со сторожевыми башнями. Вокруг него располагались двух- и трёхэтажные каменные дома в виде крепких приземистых башен. От замка спускались вниз многочисленные улицы, образуя подобие гигантских ступеней. По мере снижения дома становились проще и ниже, пока не упёрлись в ещё один забор с огромными решётчатыми воротами. За забором простирались многочисленные фермы, сады и поля. По верхней части широкого каменного забора расхаживали охранники с арбалетами и копьями. Заметив нас, они оживились: раздался скрип, и огромные ворота растворились, впуская нас вовнутрь.

Нам навстречу вышел высокий человек в расписных кожаных доспехах с гербом короны на наплечнике — ко-

мандир гвардейцев королевской стражи. Его сопровождали шесть человек. Их снаряжение коренным образом отличалось от снаряжения воинов крепости: кожа на доспехах была покрыта тёмным лаком и украшена серебряной чеканкой, а наплечники — пластинами драконьей чешуи, отливавшими серебром. Это были элитные войска. Командир небрежно кивнул Аллолио и повернулся ко мне:

— Приветствую вас. — Он склонил голову. — Принц Антонио распорядился встретить вас и проводить до замка. Прошу следовать за нами.

Отряд тронулся через город. Гвардейцы построились впереди и позади нас, образуя живой коридор. Улицы были узкими, вымощенными тёмным камнем; из окон и дверей на нас выглядывали любопытные жители — чужеземцы здесь, видно, были редкостью. Дома по мере подъёма становились крепче и выше, пока не упёрлись во второй забор с массивными воротами. За ним высился серебристый замок на обрыве у моря.

Охрана у ворот отсалютовала копьями, и мы вошли внутрь.

Нам открылась широкая мощёная площадь с деревянными трибунами. Камень здесь был тёплого золотистого оттенка, будто вобравший в себя свет двух солнц, и в его глади отражались серебристые стены замка. Площадь упиралась в отвесную скалу, а прямо в её глубине зиял вход в пещеру — огромный, чёрный от внутренней тени, с нависшим сво-

дом. Пол перед входом был испещрён глубокими бороздами, оставленными когтями. Там, в недрах скалы, обитали драконы.

Отсюда к замку вела парадная дорога, но глаз сначала цеплялся за другое зрелище: перед серебристыми стенами простирался ухоженный сад. Фонтанов было не счесть; капли вспыхивали в солнечном свете. Между фонтанами тянулись аллеи дивных деревьев, которых я не видел ни разу в своём мире: одни стояли, укутанные листвой цвета расплавленного серебра, другие роняли на дорожки двойные тени, отливающие синевою вечернего неба. Цветы вдоль аллей стелились причудливым ковром и сияли собственным светом. Аромат стоял густой, медовый.

Дорога, вильнув между клумбами, привела нас к широкой лестнице у подножия замка. Там нас уже ждали: принц Антонио, принц Илларио, а позади них на ступенях выстроились гвардейцы королевской охраны. Дрон осторожно поплыл за мной на высоте моего плеча — я велел ему не подниматься выше крыш и вести себя смирно. Гвардейцы у лестницы вскинули копья — мы прошли под ними.

Замок встретил нас прохладой и полумраком. Мы шли по широкому коридору, выложенному плитами тёмного камня, отполированными до мягкого блеска шагами многих поколений. Высокие узкие окна пропускали столбы голубоватого света второго солнца, и в этом сиянии, словно в тумане, проступали развешанные вдоль стен гобелены. На них была

выткана история династии: драконы в пламени осаждённых крепостей, короли со знамёнами, морские битвы у обрывов — а ближе к последним полотнам — мирные годы: серебристые ящеры, кружащие над цветущими полями. Изредка по стенам встречались ниши со скульптурами драконов — такими живыми, что казалось, вот-вот развернутся каменные крылья. Пахло чем-то тонким, пряным — наверное, благовониями, которые зажигали к приёму гостей.

Я с интересом рассматривал убранство замка, пока нас вели по коридорам всё выше и выше. Наконец тяжёлые двери распахнулись, и мы вошли в тронный зал.

Зал был огромен и холоден: потолок терялся в полумраке под сводами, между колонн тянулись окна, и столбы голубоватого света второго солнца падали на каменный пол, будто лучи сквозь воду. Вдоль стен выстроились гвардейцы в лакированных кожаных доспехах с серебряной чеканкой — неподвижные. Воздух пах воском и остывшим камнем.

Трон стоял на возвышении из белого камня, и он поразил меня больше всего: резной, из цельной кости — белой, отполированной до мягкого сияния, — с подлокотниками в виде драконьих голов и высокой спинкой, венчающейся расправленными крыльями. Кость белеет с веками, и этот трон, судя по всему, помнил не одно поколение королей.

На троне восседал высокий красивый мужчина с тёмно-золотыми волосами, в которых серебром отливала ранняя седина. На голове его сиял узкий обруч из золота — я

не видел в этом мире ни одного золотого предмета, и потому он казался здесь почти легендарным: тёплый, густого медового цвета, он один горел во всём полумраке зала. По обручу шла тонкая резьба, а посередине пылал огромный красный рубин, будто капля запёкшегося солнца или сердце дракона, застывшее в камне. Когда король поворачивал голову, рубин вспыхивал живым огнём. Лицо короля было открытым и волевым, взгляд — цепким, как у человека, привыкшего и командовать, и отвечать за свои приказы.

Справа от трона на изящном стуле с высокой спинкой сидела, пожалуй, самая красивая женщина из всех, кого я видел в своей жизни. Она была в платье цвета речного жемчуга, и на её волосах покоился такой же обруч, только гораздо тоньше. Я догадался, что это королева.

Слева от короля стоял ещё один такой же стул, но он был пуст.

Чуть поодаль, на нижней ступени возвышения, разместились приближённые: двое старцев в длинных одеяниях, военачальник из крепости, улетавший на драконе сообщить обо мне, и ещё несколько человек, чьи лица пока ничего не говорили мне. Все они были в тёмном — так, чтобы на их фоне светились только трон и корона.

Рядом с троном стояли принц Антонио и принц Илларио.

Мы с Аллолио преклонили колено.

— Поднимитесь. — Голос короля был негромким, но разносился по залу. — Подойди ближе, чужеземец.

Я подошёл. На нижней ступени возвышения меня ждал высокий сухопарый человек в тёмном одеянии — церемониймейстер, решил я, и не ошибся.

— Чужестранец, — произнёс он мерно, как читали, должно быть, сотню раз. — Перед тобой его величество Эллио Третий, король Эллории из рода Инэо. Её величество королева Алианна. Их высочество принц Антонио Инэо Элларио, наследник престола, — и её высочество принцесса Арианна с супругом, принцем Илларио.

Он опустил глаза на пустое место принцессы, словно споткнувшись о собственные слова, и запнулся. По залу прошло едва слышное шевеление: гвардейцы у стен не двинулись, но их взгляды — я поймал это краем глаза — разом метнулись к стулу и обратно. Один из старцев на нижней ступени беспокойно переступил с ноги на ногу. Королева медленно повернула голову к мужу, и в её лице, секунду назад безмятежном, проступила тень — не гнева, нет. Тревоги.

— Где принцесса? — негромко спросил король, обращаясь к Илларио. Голос его не изменился, но зал услышал.

— Ваше величество… — Илларио сглотнул. — Её высочество… нынче утром не вышла к завтраку. Служанки полагают, что она в покоях. Дверь заперта изнутри.

— Заперта изнутри, — повторил король. Это прозвучало не как уточнение, а как удар молотка по наковальне. И Илларио вздрогнул — коротко, как от холода. А я увидел то, чего не должен был увидеть: на миг пальцы короля сжали подло-

котник трона из белой кости так, что костяшки побелели.

— Прошу прощения. — Его голос снова стал ровным, но странным образом слишком ровным. — Семья моя не в полном составе. Но это не будет иметь значения для нашей беседы.

Илларио впервые за всё время перестал смотреть на меня и посмотрел на пустой стул. Слишком долго.

Я уже собирался назвать себя, когда боковая дверь за колоннами приоткрылась.

Створка скользнула по камню почти беззвучно. Гвардеец у двери обернулся, но копья не поднял, только отступил на полшага. В проёме показалась девушка в тёмно-зелёном платье. Она вошла боком, держа подол обеими руками, и на миг замерла, прислушиваясь. Высокая, с золотыми волосами, уложенными на затылке; несколько прядей выбились и лежали на шее. По подолу шла полоса пыли, будто она шла не по коридору, а через сад.

Девушка двинулась вдоль стены, за спинами приближённых. В зале, где все стояли неподвижно, каждое движение становилось заметным. Один из старцев проводил её глазами и поспешно отвернулся. Королева чуть повернула голову, и в её лице что-то дрогнуло: узнавание. Илларио наконец отвёл взгляд от пустого стула. Лицо его осталось неподвижным, но пальцы на рукояти меча разжались.

Король не повернулся. Только его рука, ещё недавно сжимавшая подлокотник так, что побелели костяшки, медленно

расслабилась.

Девушка дошла до пустого стула, села быстро, но без суеты, и расправила подол.

Принцесса.

Потом подняла глаза.

Я как раз смотрел в её сторону. Наши взгляды встретились.

У неё были глаза её матери, только темнее. Она смотрела на меня прямо, как смотрят на человека, о котором уже слышали и теперь проверяют, тот ли он. Я не отвёл взгляда. Она тоже. Прошло, наверное, всего мгновение, но в зале оно растянулось, как тень от колонны.

Потом она едва склонила голову набок. Это не было приветствием. Это было обещание продолжить разговор.

Я отвернулся первым.

— Позвольте представиться: моё имя Александр. — Я положил ладонь на грудь и коротко поклонился, как кланялись у нас на Земле.

— А из какого ты дома? И какого роду? — спросил церемониймейстер, и в его голосе впервые послышалась сталь. — Королевского? Знатного? Простолюдин?

— В моём мире дома зовут иначе… Так и быть — небесного!

Король усмехнулся краем рта, но не дал этой искре разгореться.

— Приветствую тебя, Александр небесного рода, который

защитил моего сына и наследника престола от стрелы. — Он обвёл рукой зал. — Стража гудит о нём. Город гудит о нём. И я хочу услышать всё из первых уст, а не из пересудов. Так это ты, чужеземец, спас моего сына?

— Громко сказано, ваше величество. Я просто уронил принца на пол, когда увидел человека, направившего на него арбалет.

— Не нужно ложной скромности. — Король помолчал. — Расскажи мне, как всё произошло. Только без прикрас — я стар для красивых историй.

Я рассказал всё как было: встреча на дороге, таверна, разговор, мгновение, когда я заметил стрелка за окном, стрела в столе, погоня, пустые крыши. Король слушал, не перебивая, и только желваки на его скулах двигались всё быстрее.

— Значит, стрелял человек в капюшоне, который знал, где ты будешь, — подытожил он и перевёл взгляд на Антонио. — Ты ничего не скажешь мне, сын?

— Отец, у меня только догадки. — Антонио шагнул вперёд. — И я не хочу называть имён, пока не будет доказательств.

— Догадками сыта только стража, которая ничего не нашла, — сухо заметил король. — Ладно. Оставим это до совета.

Он снова посмотрел на меня, и я увидел, как в его взгляде любопытство борется с настороженностью.

— Мне сказали, что ты прибыл из другого мира. С небес.

— Именно так, ваше величество, — ответил я. — Мой корабль потерпел крушение и упал с небес. Но ещё раньше что-то перенесло меня в ваши небеса из моего мира — что именно, я не знаю до сих пор. Тот путь, который привёл меня сюда, в моём мире не совершал никто. И обратной дороги, я полагаю, нет.

Король помолчал. В зале стало так тихо, что я слышал, как потрескивают факелы в железных створах у колонн.

— У нас есть предание, — заговорил наконец король. — Древнее. О небесных странниках, что приходили к нашим берегам в начале времён. Древний манускрипт прямо называет их богами: они прилетали на огромных неживых драконах, изрыгающих огонь. Мой дед говорил: когда придёт новый странник, король должен узнать его по трём знакам. — Он поднял палец. — Первый: он придёт не по земле и не по морю. Второй: он будет говорить на языке, которого не знает никто. Третий: у него будет оружие, какого нет в нашем мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.